

ЛИМБ

Дмитрий Соколов

Наталья Соколова

Фениксы и змеи

Дмитрий Соколов

ЛИМБ

«Автор»

2022

Соколов Д.

ЛИМБ / Д. Соколов — «Автор», 2022 — (Фениксы и змеи)

Вместо ветеринарной академии родители внезапно отправляют Нику учиться в ЛИМБ – Ленинградский Институт Моделирования... что именно они моделируют, не знает никто, и вообще, там творится настоящая чертовщина. Студентов делят на фениксов и уроборосов и вместо химии учат алхимии, вместо биологии – биоэнергетике, а вместо географии – астральным путешествиям. А чему может их научить новый препод по истории искусств? Не иначе как искусно убивать. Это у Чернова получается отлично – Ника видела своими глазами. Почему этот красавчик всё ещё на свободе и спокойно ведёт свои семинары? Кто он такой и сможет ли единственная свидетельница преступления разоблачить этого демона?

© Соколов Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Карты незнакомых городов	8
Глава 2. Дежавю	12
Глава 3. Близнецовое пламя	15
Глава 4. Два символа бесконечности	21
Глава 5. Прямиком в АД	27
Глава 6. Двенадцать спиралей	32
Глава 7. Чертовски одарён	37
Глава 8. Чистый лист	43
Глава 9. Со скоростью мысли	48
Глава 10. Кровавый инструмент	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Соколов, Наталья Соколова

ЛИМБ

Пролог

Старая железная дорога рассекает напополам густой лес. Изгибается, виляет между высокими тёмно-зелёными елями и соснами, которым нет конца и края. Мелькают в окне потрескавшиеся, мокрые деревянные шпалы. Несмотря на сильный ливень и шквалистый ветер, машинист разгоняет поезд так быстро, как может. Ему передали, что в первом купе рождает женщина.

До ближайшего города с больницей часа полтора езды – успеют ли? Нужно успеть. Проводница шепнула, что муж роженицы – военный и служит в КГБ. Они едут из Владивостока до самой Москвы, и вот, спустя почти трое суток дороги, начались роды. Говорят, что на пару недель раньше положенного срока. Больше ничего машинист не знает и знать не хочет. Поезд трясётся, его мотает на скорости. Думать некогда, приходится следить за дорогой.

В первом купе тихо и темно, штора задвинута. Молодая женщина, держась за округлый живот, сгибается вперёд и закрывает глаза. Её дыхание такое же беспокойное и прерывистое, как бушующий, треплющий кроны деревьев ветер. Боль разрывает тело подобно вспышкам молний, которые полосуют за окном тяжёлое небо. Внутри всё сотрясается словно от раскатов грома. Кажется, начинается настоящий ураган.

Майор в тёмно-сером кителе нервно мнёт в руках чёрную фуражку. Он не знает, как помочь жене. Не следовало брать её с собой в долгую поездку, но и оставить одну в Москве было нельзя. Он обещал, что не спустит с неё глаз ни на минуту.

Схватки усиливаются, буря тоже. Поезд, летящий стрелой, вдруг резко тормозит. Рельсы свистят, падают с полок чемоданы. Состав замирает посреди дикого леса. На дороге что-то случилось.

– Только этого ещё не хватало! – бормочет мужчина в форме.

Заглядывает проводница. Интересуется состоянием роженицы, вздыхает озадачено. Потом объясняет: на пути упало дерево, дальше не проехать. Убрать его своими силами не получится, вызвали аварийный вертолёт, но погода сейчас нелётная, а надолго ли ураган – неизвестно. Придётся выбирать: или оставаться в поезде до конца ненастья, только принимать роды здесь некому, ведь среди пассажиров нет ни одного врача...

– Или? – голос будущего отца натянут как струна.

– Или идти через лес до ближайшего села. Это, конечно, не город, но там есть местный лекарь. То есть, шаман...

Роженица всхлипывает, ей больно, а теперь ещё и страшно.

– Вы в своём уме?! – строго спрашивает мужчина. – Шаман?!

– Да, бурятский. Боюсь, на большее рассчитывать не приходится. Один молодой человек, едущий до Улан-Удэ, согласился показать вам дорогу. На вашем месте я бы поторопилась, пока он не передумал...

Путь к селу похож на девять кругов ада. Ледяной ветер воет и сбивает с ног. Дорожки нет, даже тропинки. Ноги тонут по щиколотку в болотистой жиже. Ветки елей цепляют за одежду. Держа над супругой своё чёрное пальто, мужчина укрывает её от крупных капель дождя, падающих с деревьев, и ведёт – полубессознательную – за раскосым пареньком.

Минут сорок – и чаща расступается. Вдали появляется небольшая деревенька. Из леса все трое выходят вовремя – прямо за их спиной с треском ломается и падает ещё одно могучее дерево.

На горизонте блещут молнии. Женщина то и дело спотыкается и валится с ног. Всё как в тумане. В ветхую хижину шамана – у самого подножья холма – её вносят уже на руках. Старый смуглолицый лекарь, увидев их на пороге, хмурится и говорит пару фраз своей жене на местном языке. Морщинистая старушка качает головой и уходит в закуток-кухоньку, завешенную ширмой. Гремит алюминиевая посуда, из одной плошки в другую переливается вода.

Шаман машет руками на двух мужчин, торопливо теснит их к выходу, что-то напутственно вещая. Его слов майор не понимает, но общий смысл ясен – смотреть на роды им не разрешат. Нужно искать приют в одном из домиков по соседству.

Женщина устало приваливается к стене. В хижине горит огонь, старушка приносит ей плед, и она, наконец, согревается. Глаза сами собой закрываются, тело падает в вязкое небытие, только изредка его выгибает от волн нарастающей боли. С каждой схваткой гром гремит всё отчётливее, а хозяева всё сильнее тревожатся.

– Феникс или змий? – спрашивает вдруг шаман.

Она совсем его не понимает – хлопает светлыми ресницами и молчит. Сев напротив, лекарь смотрит на неё в упор:

– Феникс или... дракон? – повторяет он, глядя исподлобья.

Вопрос снова остаётся без ответа. Жена шамана, вздыхая, подносит роженице в широкой глиняной чашке какой-то дымящийся, горячий напиток.

Отхлебнув, та кривится и прикрывает рот:

– Горько! – отталкивает кружку, едва не разливая содержимое. Шаман ругается. Сначала на своём диалекте, потом с трудом переходит на русский:

– «Бессмертное крыло», собранное на рассвете, помогает раскрыться вратам миров! – он снова подставляет ей под нос чашку с отваром.

– Не надо, я не буду! Слишком горько!

– Пей! – волком рычит дед. Глаза в узких щёлочках век сверкают красным – огонь из очага отражается в них так ярко, что становится страшно. – Пей! Всех нас погубишь!

По лицу молодой женщины текут слёзы. Губы сводит, пальцы, сжимающие кружку, дрожат. Обжигающий яд, глоток за глотком, стекает по горлу, дурманит голову и вяжет желудок. Схватки усиливаются. Вернее, наступает одна сплошная схватка, без перерывов и надежды на отдых.

– Работай, дева, – приговаривает шаман, отвернувшись. Теперь он кажется спокойным и совсем не обращает внимания на то, что ветер снаружи вот-вот сорвёт с домика хлипкую крышу. – Работай. Быстрее родишь – быстрее всё это закончится...

Тем временем, майор, прикрывшись от непогоды шинелью, стучался в двери окрестных хижин в поисках «гонца». Ему срочно нужно было отправить телеграмму в Москву. Желаящих пускаться в путь в столь нелёгкий час не находилось. Одежда мокла, отчаяние нарастало. Наконец, в одной из избушек хмурая бурятка согласилась послать на почту своего младшего сына. Не просто так, разумеется. Попросила большую сумму денег и, вдобавок, «штурманские» наручные часы.

Взамен у хозяев нашёлся маленький, неровно оборванный листок коричневой бумаги и обломок угля, которым в селе писали вместо карандаша.

«Жена рождает, – вывел военный трясущейся рукой. – Кажется, у нас всё получилось. Свяжусь с вами позже. Если останемся в живых».

На обратной стороне он написал номер телефона, чьи-то имя и фамилию.

Сын бурятки затащил потуже короткую куртку, сел на пегого коня и, согнувшись, стремглав поскакал в город – сквозь ветер, гром и стену проливного дождя.

Спустя несколько часов, когда он вернётся в село с ответным посланием за пазухой, ураган уже закончится. Потеплеет. Яркое солнце осветит груды разрушенных деревенских избушек и сараев. Только одна-единственная хижина шамана в тот день устоит перед безжалостной

стихией, остальные дома окажутся полностью уничтоженными. Некоторые жители спрячутся в погребах, некоторые разбегутся, некоторые погибнут под завалами. Паренёк будет долго искать среди руин того самого столичного военного, но найдёт в итоге лишь его бесхозную фуражку под упавшим забором.

Он тихо заглянет в дом колдуна, увидит там спящую роженицу, а на груди у неё – мирно сопящего новорожденного мальчика с пуповиной, перевязанной верблюжьей шерстью. Шаман и его бабка тоже уснут у потухшего очага, и тревожить их он не решится.

Выйдет – и так и останется стоять посреди залитой солнечным светом дороги, держа в руках короткую телеграмму.

На мятом жёлтом листке бумаги будет блёклыми буквами напечатан ответ, пришедший из Москвы:

«Феникс или змей?»

Глава 1. Карты незнакомых городов

– Мам, кто приходил?

С утра, выйдя на кухню, я вытащила из холодильника молоко, а из ящика – мюсли, и села за стол. Сегодня я опять всю ночь летала во сне, а после таких снов мне всегда дико хочется есть.

– Никто не приходил, а что?

– Точно?..

Готова поспорить, сквозь сон я слышала, как хлопнула входная дверь!

– Ну... Только почтальон зашёл, принёс заказное письмо.

Вздыхнув, папа оторвал взгляд от окна и тоже сел завтракать. Я, наоборот, вытянулась и выглянула на улицу, чтобы прикинуть, что сегодня надеть. На следующей неделе уже сентябрь, а погода по-прежнему тёплая, как в середине лета.

Щурясь от яркого солнца, отражающегося во всех возможных стёклах, я наблюдала за тем, как отъезжала от нашего дома чёрная тонированная «волга». Подумать только, кто-то ещё на них ездит! В последний раз я видела такую в музее. И ещё у дяди Ромы – давнего друга родителей, военного из ФСБ. Но сейчас у него что-то совсем нет времени к нам заезжать. Наверное, на Лубянке много работы...

– А что за письмо? – спросила я с опозданием.

– А письмо, дочка, тебе, – натянуто проговорила мама, переглянувшись с отцом. – На учёбу тебя приглашают. В Ленинград.

Чашка с мюсли опрокинулась. Молоко тонкой струйкой побежало по столу.

– В Санкт-Петербург, – мрачно поправил папа, бросая в лужу кипу салфеток.

– Мам, подожди, – лепетала я. – Какой Ленинград, какой Санкт-Петербург?! А как же Ветеринарная Академия?.. Ну, я же поступила, всё в порядке...

– Ника, Ветеринарная Академия отменяется. Тебя взяли в институт. Очень хороший. Ленинградский. Документы уже там.

– Что?! Вы что, тайком отправили туда мои документы?! Ну мама! Это... это же подлю! Да чтобы вы знали... мне через полгода исполнится восемнадцать, и я всё равно оттуда переведусь! Понятно?!

– Дочь, успокойся, мы тут ничего не решали.

– Не решали мы, как же, – буркнул папа. – Говорил тебе, надо было сразу ей всё рассказать, а не вот так в последний день!

– Что значит в последний?!

Мама бросила на него укорительный взгляд, и только тут я поняла, что эти двое всё субботнее утро ссорились, пока я спала.

– Ну ладно, – вздохнула я примирительно. – Что там хотя бы за институт, как называется?

– ЛИМБ, – с готовностью ответила мама. – Очень старый, красивый. Тебе там понравится. Да и город какой замечательный!..

– ЛИМБ... – я покрутила в руках стакан с яблочным соком, который подsunул мне, вместо тарелки с мюсли, папа. – Это как расшифровывается?

– Ленинградский Институт Моделирования... Моделирования... Последнюю букву забыла. Саш, ты не помнишь?

– Неа, – папа пожал плечами. – Бизнеса, может быть?

– Может и бизнеса, – притворно беззаботно заключила мама. – Вот приедешь туда – и узнаешь.

– Но кем я хотя бы буду?

– Там тебе всё объяснят.

– Что значит «там объяснят»?! Вы же на какой-то особый факультет мои документы отправляли, а не просто в пустоту!..

– Особый. Именно что особый...

– Никушка, скажи, – папа вдруг сменил тему, – а тебе до сих пор снятся эти сны?

Я поёжилась. Ну началось! Надеюсь, это хотя бы правда институт, а не какая-нибудь коррекционная школа для подростков «со странностями», как у меня.

Родителей с самого детства почему-то очень пугали мои сны. Сны, между тем, совершенно обычные. Без чудовищ, ведьм и монстров, даже не кошмары. Я не предвижу во сне будущее, не хожу в потусторонние миры, не продаю душу дьяволу. Просто время от времени мне снится, что я летаю высоко в небе где-то далеко-далеко от дома, и места эти выглядят очень реалистично – будто я путешествую наяву.

В детстве я рисовала карты незнакомых городов. Просыпаясь, тут же хваталась за ручку и так увлекалась, что иногда опаздывала в школу. Но даже если я и приходила на уроки вовремя, то в такие дни мне было вовсе не до учёбы. Картами были зарисованы задние страницы всех тетрадок. Улочки, дома, изгибы дорог, скверы, магазины, фабрики и больницы ложились на бумагу и разрастались до масштаба огромных муравейников.

Однажды папа забрал у меня эти рисунки. Сравнил с настоящими картами России, которые покупал ещё в юности, путешествуя автостопом. Долго крутил то оригинал, то урисованные клетчатые листы. Вздыхал. Чесал макушку. Потом заложил мои художества между разворотами определённых страниц реальных городов, кивнул мне растеряннo и ушёл на кухню «совещаться» с мамой.

Позже родители водили меня сначала к детским психологам, а следом – ко всяким гадалкам, бабкам-знахаркам и колдуньям. Наверное, боялись сглазов и порч – не зря же моя комната с самого младенчества увешана какими-то сомнительными амулетами из верблюжьей шерсти, а верблюжью нитку меня до сих пор заставляют носить на левой руке, когда выхожу на улицу.

Увы, ни психологи, ни магические заговоры за столько лет так и не помогли. Сны до сих пор приходят ко мне с завидной регулярностью – каждые новолуние и полнолуние. Причём, теперь я не просто путешествую, а ищу «красную материю», но об этом родителям и подавно лучше не знать. Я вообще решила утаивать от них подробности и многого не рассказываю. Например, что летаю я не в своём теле. Точнее, во сне у меня совсем нет тела – моё существо представляет из себя одно сплошное огромное крыло, сотканное не то из дыма, не то из чёрных острых лезвий вместо перьев. И питается это нечто без головы и туловища красным светом, исходящим от людей.

Красный свет излучают не все люди, а только те, кто замыслил что-то нехорошее. Я «охочусь» на квартирных воров, грабителей-карманников, маньяков, насильников, торговцев запрещённым товаром – и прочую нечисть, которая выходит на улицы с наступлением темноты. Если в городе есть хотя бы один такой человек, я замечу его тут же и за доли секунды перенесусь к нему.

Почти всегда в эти моменты несостоявшиеся злодеи видят мою тень, их лицо искажается, руки начинают дрожать. Преступление отменяется, они в ужасе убегают, а я съедаю красную материю, которая от них остаётся, и на утро чувствую себя бодрее, чем обычно. Но иногда встречаются «слепые», они до последнего не замечают моё приближение, и тогда чёрное крыло накидывается на них, разрывая на части. Длинные острые перья-ножи рассекают кожу, мышцы и кости. Льётся кровь. Громкий крик сотрясает комнату и будит меня. Я просыпаюсь голодной, разбитой и совершенно вымотанной. Как сегодня.

Выживают ли эти люди после встречи с той, другой мной? Я не знаю, да и, в конце концов, какая разница. Это же всего лишь сны...

– Нет, пап. Мне больше ничего такого не снится, – я посмотрела на него искоса. Проглотит он мою наглую ложь или нет? Кажется, этим утром я не кричала, а значит, есть шанс.

– Понятно, – папа отхлебнул от своей кружки с кофе. – А верблюжью нить носишь? Смотрите-ка, прокатило. Но второй раз подряд лучше не рисковать.

– Вчера забыла надеть, – честно призналась я. – Да вы не волнуйтесь, я уже большая, никто меня не спазит. А в этот ваш дурацкий институт-моделирования-неизвестно-чего я, так и быть, поеду с ниткой.

– Как раз хотел тебя попросить... – осторожно проговорил папа. – Когда будешь собираться в Питер... оставь верблюжью нить дома.

* * *

«Сапсан» бодро бежал по рельсам. На информационном табло горело неизменное «220 км/ч». Половину дороги мы уже проехали. Ещё половина – и я приеду в город на Неве.

Чем дальше я уезжала от Москвы, тем увереннее и свободнее себя ощущала, тем шире раскрывались крылья у меня за спиной. И, почему-то, тем сильнее хотелось есть. Я уже уничтожила бутерброды, заботливо упакованные в дорогу мамой, и почти допила чай из термоса.

Может быть, я нервничаю?.. В Питер я ездила до этого только один раз с родителями, мне тогда было года три. Кажется, мы навещали какую-то нашу давнюю родственницу, тётю Беллу, но я уже ничего не помню – ни о ней, ни о поездке, ни о городе. Придётся узнавать всё заново.

Вообще удивительно, почему меня так легко отпустили за семьсот километров от дома одну, да ещё и без амулетов? В неизвестный институт, в общежитие – неужели совсем не боятся за единственную дочь?..

Я стиснула крепче лямку рюкзака и, коснувшись затылком подголовника, закрыла глаза. Что ж, попробую решать проблемы по мере их поступления. Катастрофы пока не произошло. Да, я не буду учиться в ветакадемии, потому что меня срочно, буквально насильно отправляют в некий ЛИМБ, ничего толком не объяснив. Но, каким бы странным всё это ни было, не прыгать же с поезда. Вот приеду – и разберусь, что это за институт и что они там моделируют. А сейчас постараюсь расслабиться, насколько это возможно. Может даже подремлю...

Леса и равнины, мелькающие за окном, теперь раскинулись перед моим внутренним взором с другого ракурса. Сверху – будто я сижу не в мягком глубоком кресле «сапсана», а на крыше вагона. Ветер треплет мои тёмные волосы. Или не волосы?..

Поле зрения расширяется, картинка по бокам разрастается, словно я поднимаюсь над землёй. Вот мелкие синие озёра, блестящие на солнце. Вот крохотные деревеньки. На яблонях в садах уже зреют, наливаясь цветом, яблоки. Вот топчутся на большом пастбище пёстрые пятнистые коровы. А вот и шумная скоростная трасса бежит вверх, на север. Автомобили скользят по пыльному разогретому асфальту как по маслу, пытаясь догнать наш поезд. Мой взгляд тоже скользит вперёд. Несётся куда-то быстрее всех возможных транспортных средств. Там, вдали, маячит что-то алое, и оно манит меня. Я вся напрягаюсь, будто струна.

Неужели я наконец-то утолю голод! Где он, этот человек, излучающий красное свечение? Что бы он ни задумывал, я остановлю его!

А может и не остановлю. Ведь людей тут нет – ни одной живой души. Красная материя одиноко стелется по земле над кованными оградами и покосившимися крестами.

Становится холодно, и я замедляюсь. Моя чёрная тень беспокойно кружит над дорогой. Кто же догадался провести автомагистраль так близко к действующему кладбищу!

Едва заметный силуэт внезапно проявляется из ниоткуда прямо посреди трассы. Сейчас она пустынная – машин пока нет, потому что за пару километров отсюда горит запрещающим светом светофор. Но совсем скоро он переключится, и заждавшийся водитель на радостях разгонит что есть мочи своего стального коня, не подозревая об опасности. Дорога гладкая – самое то, чтобы погонять. Когда он примчится сюда, на спидометре будет уже 150 в час, если не больше. Увидев на пути призрака, он примет его за живого человека, испугается и резко затормозит.

мозит. Вывернет руль, скатится на обочину и врежется в толстый фонарный столб с цветастым траурным венком. Кажется, этот случай здесь уже далеко не первый...

– Уйди!!! – кричу я.

Картинка крутится в «штопоре». Снижаюсь. Острые чёрные грани разбивают призрачный силуэт, на секунды он рушится, словно потрескавшееся зеркало, потом собирается вновь. И так несколько раз. Злюсь. Чувство голода становится нестерпимым.

Перья взъерошиваются, мутнеют, меняют форму. Теперь моё тело струится как дым от ладана. На миг вспыхивает огонь, будто кто-то чиркнул зажигалкой. Раздаётся шипение. Пламя, поглотив фантома вместе с красным сгустком его энергии, гаснет.

И вдруг – совсем рядом – визг тормозов. Чёрт! Изломанное дымящееся крыло устремляется вверх. В мгновение взрываю над деревьями, словно меня дёрнули за невидимую леску.

Рёв мотора замолкает. Мощный автомобиль с рогатым бараном на блестящем логотипе останавливается в паре метров от того самого столба с венком. Водитель, отстегнувшись, выходит, чтобы осмотреться по сторонам. Задумчиво окидывает взглядом облезлые пики крестов на кладбище, потом поднимает глаза вверх, но меня он уже не видит – я слишком высоко.

Счастливчик вздыхает. Приваливается спиной к широкому капоту своей большой тачки, достаёт что-то из кармана. Щёлкает зажигалка – на этот раз настоящая – и в его пальцах начинает дымиться длинная сигарета.

Товарищ, ты серьёзно?! Я, между прочим, только что спасла тебе жизнь – а ты тут же её укорачиваешь порцией никотина. «Классно»! Можешь не благодарить...

Душный смолистый запах чувствуется даже на высоте в сотню метров. Моё дыхание перехватывает. Я делаю глубокий вдох и, неожиданно для самой себя, открываю глаза.

– Девушка, вы в порядке? – это легла на моё плечо рука проводницы в белой перчатке. – Вам приснился кошмар? Может быть, чаю?

Так, понятно, значит я опять во сне кричала.

– Лучше кофе, – выпалила я хрипло. – И сэндвич. Спасибо.

Глава 2. Дежавю

Выйдя из вокзала, я открыла ссылку с адресом института, которую папа отправил мне в мессенджер. Отметка на карте стояла прямо на здании Исаакиевского собора. Странно. Наверное это какая-то ошибка? Не может же вуз располагаться внутри достопримечательности?..

Пока я ждала уточнений, подошёл мой троллейбус, и я решила «прогуляться» по Невскому проспекту хотя бы так – глядя на него из окна. Чемодан у меня небольшой, но тяжёлый, его и в транспорт-то сложно поднять, не то, что тащить пешком несколько километров. Короче, я заняла свободное место в конце салона, притиснула саквояж к стенке и теперь глазела по сторонам, изучая Питер.

Черёда магазинов, ресторанов и отелей сменилась мостом через Фонтанку с беспокойными бронзовыми конями. У меня мелькнула мысль, что четыре этих коня вполне могли бы символизировать четыре года бакалавриата, которые предстоят мне и моим однокурсникам. Сначала дикие – необузданные – скакуны, как и студенты, постепенно становятся всё более послушными, подкованными, а в глазах появляется искра понимания.

Снова вереница бутиков, небольшой парк, Казанский сквер, тонуший в нежных лучах «золотого» часа, и вот уже под нами опять река – теперь Мойка – а дальше удивительной красоты здания замелькали одно за другим, и я так засмотрелась, что не заметила, как троллейбус повернул. Ещё немного, и проехала бы нужную остановку!..

Место, рядом с которым стояла отметка на карте, находилось на противоположной стороне от основного входа в Исаакиевский собор. Мне пришлось несколько раз прогуляться туда-сюда, прежде чем взгляд различил каменные ступени, ведущие вниз, а за ними – тёмно-красную дубовую дверь.

Наверное, это какая-нибудь техническая подсобка, но может хоть там мне подскажут, по адресу я пришла или нет. Моя рука коснулась старой латунной ручки, и скрипучая створка отворилась, приглашая спуститься ещё на несколько ступеней ниже. Там, в помещении, кто-то был, я почувствовала его, но перешагнуть порог не решилась.

– Здравствуйте! – крикнула я в темноту дверного проёма. – Простите, пожалуйста, за беспокойство. Я ищу институт... ЛИМБ... вы не знаете, где он?

– Ты глаза-то разуй! – раздалось мне в ответ. Такой голос был у нашей консьержки, тётки Шуры, когда она с подозрительным прищуром допрашивала незнакомых гостей. – На табличку глянь! Что там написано?

Я отступила на шаг назад. Как же можно было не заметить! Слева от входа на мраморном сером указателе золотистыми буквами сияло выбитое: «Ленинградский Институт Моделирования Б...»

Дальше надпись обрывалась. Правый верхний гвоздик кто-то выломал, часть пятнистого камня отсутствовала, и табличка слегка накренилась вниз. Подумать только – оказывается, в культурном Питере тоже есть вандалы. Видимо, так я и не узнаю до последнего, что именно буду здесь моделировать...

– Значит, мне сюда, – тихо выдохнула я и зашла, затворив за собой дверь.

– Пропуск есть у тебя? – вахтёрша даже внешне походила на нашу тётку Шуру. Такие же кудрявые, сильно высветленные волосы и толстые аляповатые очки-кошки на пол-лица. Будка, в которой она сидела, подсвечивалась изнутри тусклым жёлтым светом, но дальше этой «сторожки» ничего не было видно. Коридор утопал во тьме.

– Пропуск?.. А, нет. Я новенькая.

– На курсы подготовительные не ходила, значит. Понятно, двоечница. Ла-адно, – тётка нехотя поднялась с насиженного места. – Пойдём, первый раз я тебя по своему пропуску проведу, а потом в деканате попроси выдать.

В слабом свете мелькнула белая карточка с блестящим круглым логотипом. Что там было изображено, я увидеть не успела. В темноте зажёгся зелёный огонёк, и охранница пихнула меня вперёд.

Я шагнула в бездну и тут же остановилась – так сильно вдруг заложило уши. Будто я лечу в самолёте, который набирает высоту, или в скоростном лифте, мчащим на вершину небоскрёба. Голова закружилась. Рука попыталась нащупать стену, чтобы придержаться, но стен не было. Ни слева, ни справа.

– Ну, ну, смелее, – недовольно буркнула бабка. – Шагай. Раз, два, три. Нечего тут в коридоре задерживаться. Вдохнула, выдохнула. Слюнки сглотнула – вот и всё. Ишь, сахарная!..

От страха я зажмурилась, а когда открыла глаза, то снова чуть не упала. Огромный холл был залит ярким тёплым светом. Солнечные лучи проходили сквозь высокий, полностью стеклянный купол собора и играли бликами на кованых перилах лестниц из жёлтого металла, на стенде с расписанием лекций, на корешках книг, стоящих сверху на стеллажах открытой библиотеки.

Хм. Я, конечно, не знаток архитектуры, но мне казалось, что снаружи купол всё-таки золотой, а не прозрачный. Как они добились такого эффекта?!..

Пока я стояла, задрав голову, «консьержка» исчезла. Обернувшись, я увидела за спиной две плотно закрытые железные створки, а перед ними – турникет с магнитным замком. Не приложив пропуск, отсюда не выйти, а пропуска у меня нет, поэтому придётся отправиться на поиски деканата.

Несмотря на неучебный день, в институте было полно студентов, преимущественно старшекурсников. В том, что это старшекурсники, я почти не сомневалась – слишком уж дерзкие и самоуверенные. Я растерянно катила мимо них свой чемодан, а они, хихикая, вполголоса переговаривались:

– Ооо, новобранцы повалили!

– Суровые, как и всегда!

– Ну, держитесь, ща они нам покажут!..

Вжав голову в плечи, я подошла к информационному стенду. Холл на карте института отыскался с трудом. Оказывается, сейчас я условно находилась на втором этаже. Был ещё первый этаж – тот, видимо, совсем в подвале. И третий – где и располагался нужный мне деканат.

Тащить чемодан по кованным винтовым лестницам – сомнительное удовольствие, поэтому для начала я решила немного передохнуть. Тем более возле прохода наверх очень кстати поставили автомат с газировкой. В прозрачных стеклянных бутылочках пузырились яркие напитки всех цветов радуги: сиренево-фиолетовые, небесно-синие, голубые как незабудки, изумрудно-зелёные, солнечно-жёлтые, апельсиновые и... красные. Как кровь. Нет, как красная материя, которую мне дважды за сегодня не удалось отведать.

Казалось, пузырьков в газировке больше, чем жидкости, но у меня от волнения так пересохло в горле, что я была согласна и на этот «кислородный коктейль».

Приложив к окошку мобильный, я попыталась оплатить бутылочку, но бесконтактная оплата не работала. Я попробовала несколько раз и потом только увидела, что здесь нет сети. Навороченный новый мобильный – подарок папы на окончание школы – превратился в мёртвый кирпич. Может быть, что-то не в порядке с роумингом?..

Пришлось достать пластиковую карту, но и она не срабатывала. Как назло, пить захотелось только сильнее. Я тыкала в датчик чипом, крутила карту так и этак, потом вставила всеми возможными вариантами в приёмник, но автомат, надменно чихая, каждый раз выплёвывал её обратно мне в руку.

– Давай я куплю, – раздался вдруг голос сзади.

Долговязый растрёпанный парень отстранил меня в сторону. Отросшие волосы – русые, чуть оттеняющие зеленоватым – упали ему на лицо, когда он начал копаться в карманах джин-

совки. Наконец, искомое нашлось – синяя карточка с золотистым логотипом. Точно такой же я видела у тётки на входе, только у неё пропуск был белым, а не цветным.

Держатель аппарата лязгнул, долгожданная бутылка шлёпнулась в окно выдачи и спустя секунду уже оказалась у меня в руке. Свинтив с неё острую металлическую крышку, которую нормальные люди поддевают открывалками, я разом осушила содержимое до дна.

– Глядите, что делает, – пялясь на меня издалека, подметил кто-то из старожил.

– Я начинаю их побаиваться, – со смешком ответил ему дружок. – Мы на первом курсе красный оргон не пили...

– И что, неужели головка не закружится?!

О чём это они? Пришлось повертеть бутылку в руках, разглядывая надписи на этикетках. Никакой пометки о содержании алкоголя нет. Это даже не энергетик. Да и не может ничего такого продаваться в институте!

Я выкинула пустую склянку в стоящую рядом мусорку и повернулась к парню:

– Спасибо, – улыбнулась и протянула ему руку. – Будем знакомы. Меня зовут...

Поправив большую дорожную сумку на плече, он поднял свои желтоватые, медового цвета глаза:

– Я знаю. Тебя зовут Ника. Ты это уже говорила. И вообще, всё это уже было... – его чёрные зрачки сжались до маленьких точек, а потом вытянулись в две узкие щёлочки, как у кота, смотрящего на яркий свет.

Я изумлённо замерла, рукопожатие так и не состоялось. По позвоночнику прогулялся холодок.

– Это называется дежавю... – проблеяла я слабо.

– Яшка! – вдруг раздалось за нашими спинами. – Вот ты где, гадина такая! Хорош народ пугать!

– Привет, Чародеева. Ты же знаешь, я не специально.

– Ох, глаза б мои тебя не видели! – крутанув на указательном пальце брелок с логотипом «ауди», девица надула пухлыми губами большой розовый пузырь из жвачки и пожала мою застывшую в воздухе руку. – Здорово, подруга! Мы с тобой однокурсники. И этот тип, увы, тоже с нами.

Приторно улыбнувшись, она поправила идеально прямые прядки рыжих волос, с одного бока мелированные сиреневым – в тон цветных контактных линз. Развернулась на высоченных каблуках, и, оставив после себя шлейф сладких, конфетных духов, поцокала вверх по лестнице.

– Это Лизка, – мрачно пояснил парень с жёлтыми глазами, теперь уже вполне себе человеческими. – Дочь местной «шишки». Мы учились вместе на подготовительных. То есть, я учился, а эта стерва только делала вид, потому что на самом деле она раньше уже была на первом курсе.

– Ещё одно... дежавю? – осторожно уточнила я.

– Ха, нет. Временные петли тут не при чём, – парень снова прислонил карточку к аппарату с газировкой. На этот раз наружу поехал уже синий напиток. – Её тупо оставили на второй год.

– Разве в вузах так можно? – я искренне удивилась.

– Вообще-то нельзя. Особенно в ЛИМБе. Но этой ведьме, – он злобно зыркнул ей вслед, – законы не писаны. А ты ведь в деканат? Пойдём, помогу тебе поднять чемодан.

Глава 3. Близнецовое пламя

Я крутила в руках красную карточку, разглядывая её то с одной, то с другой стороны. На лицевой части было выгравировано: ЛИМБ. 1 курс. Группа «Ф». На обороте переливался золотой круг с драконом и птицей внутри. Два зверя, отражённые зеркально, смотрелись друг в друга как инь и ян. Дракон – или, вернее, длинный змей на лапах – безжалостно укусил самого себя за хвост. Павлин – типа сказочной жар-птицы – агрессивно расставил пышные крылья, объятые огнём. Между ними в форме ромба скрещивались циркуль и наугольник, а посередине сверкал знак бесконечности – перевёрнутая набок восьмёрка.

– Эй, Ника, пошли гулять! – дерзкий голос вырвал меня из медитации на гипнотический, сияющий в свете заката символ.

Вздвигнув, я убрала свой новый пропуск в карман и выглянула в окно. Третий этаж – невысоко, но вся улица как на ладони.

Наше общежитие – красивое старинное здание с колоннами и резными окнами, раскрашенное в белый, зелёный и золотой – располагалось довольно близко к институту. Нужно было всего лишь пройти через Исаакиевский сквер и свернуть у памятника Николаю Первому налево, во дворы.

– Тут недалеко есть одно интересное местечко на крыше, – помахала мне рукой Лизка. Она стояла около причудливого раздвоенного фонаря, напоминавшего не то мачту, не то весы Фемиды. – Оттуда весь город видно! Тебе понравится!

Слова дрожали на вечернем питерском ветру будто магическое заклинание. И впрямь, разве может мне не понравиться место, откуда видно весь город?..

Я осмотрела завалившийся набок, наполовину распотрошённый чемодан. Ладно, вещи можно и потом разобрать. Тем более, что в комнату пока никого, кроме меня не заселили, а значит, соседку мой беспорядок не напугает.

– Иду! – крикнула я, накидывая ветровку. В коридоре я машинально заглянула в зеркало, висящее у входа, и мне показалось, что мои и без того слишком светлые голубые глаза ещё сильнее побледнели, а тёмные волосы, наоборот, почернели, став похожими на крыло из моих снов. Я поёжилась, но списала это на усталость или на шутки тусклого общажного освещения.

На улице похолодало. Зажигались первые фонари. Мы шли вдоль набережной Невы, потягивая из жестяных банок коктейли – на этот раз вовсе не из институтского автомата, а из ближайшего магазина, где обслуживают только тех, кому уже стукнуло восемнадцать. Лизка, оставшись на второй год, недавно отметила своё совершеннолетие, чем и воспользовалась.

– В последний день каникул по-любому надо напиться, – уверенно возразила мне она, когда я попыталась отказаться. – Посвящения в студенты в нашем институте не бывает. Алкоголь строго-настрого запрещён. Так что, считай, это единственный вечер, который ты можешь провести как нормальный человек. Ты ведь не ходила на подготовительные?

– Нет, я... мне родители только на прошлой неделе сообщили, что я буду учиться именно здесь.

Лизка вдруг притормозила. Поставила баночку на широкий парапет моста и свесилась вниз, разглядывая беспокойные волны.

– Понятно, тянули до последнего. И так и не раскололись? Не сказали, кем ты будешь?

– Нет, – повторила я, – ничего не сказали. Я даже полного названия института не знаю.

– Ну, тут ты не одна такая, – хмыкнула рыжая. – Иногда мне кажется, что его не знает никто, в том числе и мой батя, который меня сюда упёк.

– Значит, вывеска уже давно сломана?

– Ха, вывеска!.. – внизу глухим басом прогудел теплоход, проходящий под Дворцовым мостом, и Лизка прервалась, а потом вдруг улыбнулась и вытащила из кармана ключи от машины. – Слушай, давай не будем об этом. Я же на крышу тебя хотела отвезти. Погнали!

Похоже, ей уже не впервой было садиться за руль навеселе. Благо, ехать нам пришлось недолго, испугаться я не успела, а единственный гаишник, попавшийся на перекрёстке, изда- лека подвоха не почуял.

Весь вечер и даже часть ночи мы с ней сидели на крыше высокого дома, откуда откры- вался вид на панораму Питера. В сумке у моей ушедшей подружки нашлось ещё несколько банок коктейля, которым мы грелись, любуясь сначала на огни города, потом на разводные мосты, а ещё позже – на звёзды.

Говорили о всякой ерунде. О школе, о родителях, о домашних животных, о том, куда ездим отдыхать летом. Так я узнала, что отец Лизки – депутат местной думы, который аж с четырёх лет отправил её в лучшую закрытую школу недалеко от Петергофа, надеясь вырастить вундеркинда. Что мама у неё – как ни удивительно – астролог, и она с самого детства пророчила своей единственной дочери особую судьбу. Что у них живёт уже третье поколение кошек – все чёрные, без единого белого волоска. А летом они всей семьёй ездят по местам силы. Были уже на Соловках, на Краснодарских дольменах, на Байкале, Алтае и даже в Долине гейзеров на Камчатке.

После третьей порции коктейля темы сменились. Лизке стало интересно, есть ли у меня парень, а раз нет – то был ли.

– Да, был один, – как можно непринуждённое ответила я. – Дружили с пятого класса. Везде вместе, даже договорились с ним пойти учиться в Ветеринарную Академию на один факультет. Готовились к поступлению последние полгода – собирались то у него дома, то у меня – и корпели над учебниками, каждый вечер, без выходных...

– И как, поступили?

– Ага. Но в августе, после всех экзаменов, я увидела его с другой девчонкой. Сначала подумала: наверное, это сестра. Он говорил, что к ним обещала приехать родственница с юга. И девочка эта как раз была вся такая загорелая... Но когда они поцеловались, то до меня дошло, что никакая это не сестра.

С размаха выкинув пустую жестянку с крыши, я добавила с горечью:

– Так что может и хорошо, что я не пошла в итоге ни в какую ветакадемию, а переехала сюда, подальше от него.

– Странно, что ты не прирезала эту скотину, – мрачно заключила Лизка. Язык у неё заплетался, но по её интонации я поняла, что она не шутит и даже не преувеличивает. – Надо было прирезать!..

Потом она ещё долго жаловалась мне на своих парней, которых оказалось так много, что под конец рассказа я уже путалась в их именах. Говорит, специально находила разных фриков – один другого «краше» – чтобы потрепать нервы вечно пропадающему на работе папе, но в итоге всё заканчивалось тем, что они трепали нервы не ему, а ей – издевались, «морозили», оставляли с разбитым сердцем. Не похоже, правда, чтобы у неё после всех этих ожогов и рас- ставаний упала самооценка.

– А знаешь, я верю, – вдруг сказала она, откидываясь назад и опираясь на согнутые локти. – Я верю, что где-то там, в будущем меня ждёт мой человек. Просто наши дорожки запутаны, но однажды мы обязательно друг друга найдём... Ну, а ты?

– Что я?

– Когда будешь искать себе нового парня? Только не говори, что теперь собираешься вечно ходить в девках!

– Как ты поняла, что...? – меня бросило в жар. Холодный воздух, которым тянуло изда- лека от реки, превратился в огненную лаву.

– Я девственниц за сто километров вижу, – пожала плечами Лизка. – У них – то есть, у вас – слишком много оранжевого оргона.

– Я не...

– Слушай, – рыжая перебила меня, нетерпеливо поелозив на попе. – Мне мамка ещё давно говорила, что чтобы найти по-настоящему достойного мужчину – твою родственную душу, твоё «близнецовое пламя» – надо ночью, в последний, самый тёмный час перед рассветом, отыскать на небе утреннюю звезду и загадать на неё желание! Я много раз пыталась, но то в Питере пасмурно, то белые ночи, то Венера в ретрограде... Короче, как-то не срастлось, а сейчас смотри, какое небо ясное! У нас есть шанс!

Улыбнувшись, я притихла и сделала вид, что и правда изучаю звёзды, хотя на самом деле понятия не имела, как выглядит Венера и где её искать. К новым отношениям я пока не готова, так что, пожалуй, использую красивую легенду просто как повод помолчать. К тому же, я бесстыже напилась, а в таком состоянии лучше не говорить много, чтобы потом, на следующий день не краснеть.

В какой-то момент мне вдруг показалось, что одна из звёзд у горизонта замерцала ярче. Налилась не то розовым, не то алым. Мигнула пару раз. Расширилась – или это моё зрение расфокусировалось?.. А потом словно «проглотила» меня яркой искрящейся вспышкой – и тут же потухла.

Моё сердце забилося быстрее. Где она была? Вроде бы вон там, у шпиля Адмиралтейства, но сейчас небо в той стороне чёрное-чёрное. Пусто.

Сколько я ни искала заново источник малинового света, сколько ни крутила шеей направо и налево, ничего похожего мне больше не встретилось. Почему-то стало тревожно, даже немного жутко.

– Мне пора! – выпалила я, вскочив. Качнулась. Со стоном придержалась за антенну на крыше.

– Д... давай я тебя подвезу до общаги, – Лизка не без труда извлекла из кармана кожанки брелок от «ауди» – он зацепился за молнию и, дёрнув посильнее, она, кажется, оторвала от него кольцо.

– Ээ, нет, спасибо, – выдавила я. – Я лучше пешком. Проветрюсь.

Сердце стучало как бешенное. Знобило. Застегнув до самого горла куртку, я направилась в ту сторону, где ещё недавно горела мистическим светом яркая звезда.

* * *

– Пожалуйста, не трогайте меня!

– «Пожалуйста»? Ха! Волшебные слова тут не работают, детка!

Ох, лучше бы я всё-таки согласилась на предложение Лизки. Гулять ночью одной по незнакомому району незнакомое города было явно плохой идеей. Или это дурацкая Венера виновата? Уж подогнала мне парня так подогнала! Даже целых четверых!

Выплюнув сигарету, наголо выбритый громила вылез мне навстречу из расштанной, наглухо тонированной тачки. Трое его дружков опустили скрипучие стёкла и, ухмыляясь, пялились на меня из салона. В узеньком переулке между двумя старыми домами дорожка не позволила бы нам разойтись, не столкнувшись плечами. Я ступила на проезжую часть, надеясь по-быстрому проскочить мимо, но лысый схватил меня за запястье и потянул к машине:

– Да куда ты так торопишься! Поехали покатаю!

– Нет, спасибо. Меня... укачивает, – ляпнула я.

Заржав как конь, он дыхнул зловонием мне в лицо и притиснул спиной к стене старого кирпичного дома:

– Тогда давай здесь.

Наверное, он пьян, как и я, только для него, похоже, это состояние уже вошло в привычку. Голова у лысого явно не кружилась, а по дерзкой физиономии без труда читалось: «Я сделаю с тобой всё, что захочу, и мне за это ничего не будет».

– Убери руки! – крикнула я, чтобы привлечь чьё-то внимание. Увы, бесполезно. Окна жилого дома в переулочек не выходили, а прохожих в столь поздний час и подавно нет.

– Не ори, дура! – зрачки выпученных глаз неестественно сильно сузились от злости. А может, он не пьяный, а обдолбанный?

– Пусти! – я попыталась выкрутиться, но борьба наша была недолгой. Лысый щёлкнул лезвием складного ножа и подставил остриё к моему горлу. Теперь не то что двигаться – даже дышать страшно.

Ну вот и всё. Сколько раз во сне я спасала мир от таких, как он и его приятели, а сейчас некому прийти мне самой на помощь. Не надо было тащиться никуда на ночь глядя с этой Лизкой. Лучше бы просто легла спать!

Потная рука залезла мне под юбку. Царапнув заусенцем, стиснула бедро. Грязные пальцы потянулись выше. Хотелось кричать, но нет, кричать нельзя, иначе прирежет. Этот, судя по взгляду, не в адеквате – он может.

Асфальт под ногами пошёл волнами и поплыл, будто раскаленный воздух. Всё стало каким-то нереальным.

– Это твоя девушка? – раздалось вдруг за нашими спинами.

Рука с ножом слегка ослабила напор, и я смогла повернуть голову. В неосвещённом конце переулочка стоял человек в чёрном. Лицо в темноте разглядеть невозможно – только очертания силуэта. Высокий, плечи не очень широкие, но на фоне атлетичной узкой талии выделяются. За спиной сзади висит наискосок что-то похожее на винтовку – или даже автомат. Неужели полицейский?! А может, военный? Омоновец? Ну, или хотя бы спортсмен?..

Мысли забегали в голове быстро-быстро. Да какая, впрочем, разница! Кто бы он ни был, главное, что он вооружён, а значит меня спасёт! Сердце в груди радостно забилося, колени задрожали от накатившей слабости.

– Вы встречаетесь? – настойчиво повторил свой вопрос ночной прохожий.

Лысый снова не ответил. Всего несколько секунд тишины понадобилась тёмной фигуре, чтобы правильно оценить ситуацию. Или он наконец заметил нож?

Человек шагнул из мрака в свет фонаря. Артистичной рукой с серебряным перстнем-печаткой поправил, на плече... нет, не винтовку, а всего лишь футляр со скрипкой.

Вздых разочарования вырвался из моей груди. Чёрт! Вот теперь точно всё пропало!

– Я не с ними... – одними губами прошептала я ему и указала глазами на машину, не особо впрочем надеясь, что один утончённый музыкант сможет совладать с четырьмя невменяемыми бандитами

– Понятно, – его голос звучал спокойно и невозмутимо. Даже, как могло показаться, с ноткой скуки. – Парень, советую её отпустить. Не рискуй. Уезжайте.

Тёмно-карие глаза во мраке казались чёрными. Длинные пепельные волосы уложены сзади в хвост, открывая бритые виски. Чёрный приталенный пиджак. Ворот чёрной рубашки утянут чёрным же галстуком, поверх которого висит серебристая цепь. В ухе серьга или даже парочка – одно кольцо над другим. Сколько ему?.. Он гладко выбрит, поэтому возраст понять сложно. Может быть, в районе двадцати.

Да, точно. Наверняка какой-нибудь изящный питерский студент-ботаник. Едет спозаранку на занятие в музыкальный колледж или институт. Едет и не доедет... Теперь мне стало страшно ещё и за него, по спине поползли колющие мурашки.

Резко похолодало. Поднявшийся ветер пригнал к нашим ногам ворох коричневых, уже по-осеннему ссохшихся листьев. Далеко за домами, на востоке – там, где проявилась первая полоска рассвета – недовольно проворчал гром.

– Ты хорошо слышишь? Отойди от неё, и никто не пострадает.

– Братишки, – громила обернулся к машине, – что скажете? Походу нам объявили войну!..

Музыкант снял с плеч кейс со скрипкой, прислонил его к облупившейся стене здания. Гром прогрохотал уже ближе.

– Убери нож. И остальное тоже.

Лысый только сейчас застегнул ширинку на джинсах и хрипло заржал:

– А то что? Сыграешь мне похоронный марш?

Кажется, я совсем перестала его интересовать. Сплюнув, он отвернулся от меня и со всей силы пнул скрипичный футляр – так, что тот пролетел пару метров и, стукнув крышкой, упал. Замки раскрылись, выскользнул наружу тонкий, блеснувший чёрной рукоятью, длинный смычок. Подкатился по пыльному асфальту к своему хозяину и замер рядом, будто послушный зверь.

Ох, зря ты полез меня спасать, красавчик! Одумайся и делай ноги – да, эти самые модные ноги в остромысах «казаках» с цепями – или тебя увезут отсюда ими же вперёд в брезентовом мешке!..

Остриё ножа рассекло воздух. Так близко – ещё шаг, и псих вспорет ему живот. Но музыкант лишь с сожалением оглядывается на скрипку и вздыхает.

Да бог с ней, со скрипкой! Парень, не дури! Беги!

Язык будто прирос к нёбу и не слушался. Меня повело. Жаркая волна прошла по телу от пяток вверх, ноги стали ватными, я совсем их не чувствовала, как во сне. И так же, как во сне, мелькнуло в воздухе, буквально на секунду, чёрное острое крыло.

Ах, как бы я хотела, чтобы всё это и впрямь оказалось простым ночным кошмаром!

– Следующий свой трек будешь пикировать в аду! – надменно хмыкнул лысый и подал приятелям знак свободной рукой.

– Там меня уже все слышали, – не смутившись, проговорил в ответ скрипач.

Идиот, он ещё и шуточки шутит!

Молния, блеснув совсем рядом, с треском врезалась в фонарный столб и оборвала провода. Свет погас. Хлопнули ушатанные дверцы машины, трое крепких парней выскочили из тачки. В первых лучах рассвета сверкнуло сразу несколько ножей и разрубила воздух бейсбольная бита. Оскалив пасти, братки гурьбой кинулись на одинокую чёрную фигуру.

– Стойте!!! – заорала я, задрожав. Эхо острым лезвием ударило по ушам. Крыло снова появилось на секунду, изломанное и напряжённое, затмило мне зрение, и тут же исчезло.

Выругавшись, музыкант метнулся вбок. Опустился – нет, скорее упал на корточки – и схватил с земли смычок. Резко вскочил, рубанул им в воздухе, словно шпагой... и вдруг во все стороны брызнула кровь!

Ножи со звоном попадали на асфальт. Покатились по тротуару, тихо постукивая, деревянная бита. Схватившись за горло, лысый хрипел. Он успел отбежать назад, до конца дома, но быстро выдохся и привалился к забору. Алые брызги хлестали из его распоротой шеи. Дружки корчились на коленях в судороге. Один держался за живот, а двое других – за то, что ниже. Одежда порвана в мясо, и всё, что под ней – тоже.

Не может быть! Этот скрипач, он... что он сделал?! Скосил четверых одним взмахом смычка?!

Я попыталась рассмотреть странное оружие, но не успела. Сверкнул серебряный перстень, щёлкнули запоры чехла. Бережно убрав обратно свой инструмент, музыкант снова закинул его на плечо и невозмутимо достал из нагрудного кармана длинную сигарету в агатовом мундштуке. Вспыхнула зажигалка. По воздуху поплыл удушливый, смолистый дым, похожий на запах канифоли. Такой же, как в прошлом моём сне.

Его аккуратно подстриженные ногти потемнели, с обеих сторон на ладонях проступили тонко очерченные круглые раны размером с яблоко. По пальцам текла кровь, но он будто бы совсем этого не замечал и ничуть не удивлялся. Сделав несколько неторопливых затяжек, он поднял глаза на меня. Уже полностью рассвело, и теперь я поняла, что мне не казалось. Глаза у него были не карие. Чёрные. Абсолютно чёрные.

– Я же предупреждал...

Меня вдруг затошнило. Голова закружилась ещё сильнее, дыхание спёрло. Гигантское чёрное крыло с острыми перьями окончательно заслонило свет. От сладковатого запаха крови, от пробирающего насквозь едкого дыма – да что там! – от одной только мысли, что хрипы жертв затихли, и я осталась с этим существом один на один, стало дурно.

«Не подходи!» – хотелось крикнуть мне, но я так ничего из себя и не выдавила. Тело обмякло. Я сползла по стеночке вниз и потеряла сознание.

Глава 4. Два символа бесконечности

Очнулась я на скамейке у общаги. Сев, поправила юбку и огляделась по сторонам. Никого. На часах семь, и студенты ещё отсыпаются перед первым учебным днём. Того, как я валялась тут пьяная с оголённой задницей, надеюсь, никто не увидел.

Правая рука болела. Раскрыв ладонь, я поднесла её к лицу и заметила прямо посередине глубокий порез, до сих пор не затянувшийся. Нет, не неестественно круглый, как у того музыканта, а вполне себе обычный – просто полоска длиной в пару сантиметров, из которой сочилась кровь.

Странно. Не помню, где я так крепко приложилась. Может быть, падая в обморок, пыталась схватиться за что-то острое или рассекла ладонь об асфальт?

А скрипач? А наркоманы с ножами и битой? Мне всё это... приснилось?!

Коснувшись подрагивающими пальцами виска, я простонала вслух:

– Чертовщина какая-то...

И тут же перебила саму себя. Да никакая не чертовщина, просто нужно меньше пить! Конечно, это был всего лишь сон. И даже сюжет узнаваем. Снова сборище криминалов, снова вспышка красной материи, которую я приняла за «утреннюю звезду», снова острое чёрное крыло...

Может, зря всё-таки я оставила верблюжью нитку дома?

Так, Ника, соберись. Подумаешь об этом позже, а сейчас надо идти в корпус. Заглянуть в ванную. Одеться во что-нибудь приличное и официальное. Наклеить пластырь на руку – где-то он был в чемодане. Можно ещё родителями написать, что у меня всё хорошо, но без подробностей...

Вторая кровать в моей комнате по-прежнему пустовала. Я не спеша разобрала вещи, что-то повесила в шкаф, что-то сложила в тумбу. Сходила в душ, чтобы стереть с себя остатки мерзкого сна, вымыла и высушила голову. Напечатала сообщение папе, потом маме, получила в ответ поздравления с первым учебным днём и стала собирать сумку к занятиям.

Когда я вспомнила про порез и отыскала в чехле-аптечке пластырь, было уже поздно. Странная рана затянулась, оставив после себя только глубокий белый шрам.

* * *

– Ты что такая пришибленная? – кокетливо подведённые Лизкины глаза внимательно меня изучали из-под контактных линз – на этот раз зелёных. – Голова болит?

– Что?.. А, да. Голова.

Что мне не нравится в институте, так это проходная. Во-первых, напрягает хамоватая копия тёти Шуры на охране, а во-вторых – этот странный, тёмный тоннель. Выныривая из него в светлый холл, я каждый раз чувствую себя отвратительно. На голову давит, в ушах гудит, по позвоночнику пробегают холодные мурашки, а руки и ноги немеют...

По пути в актовый зал, находящийся на третьем этаже, я чуть не заблудилась. Коридоры разветвлялись и петляли, и пропустить нужный поворот, особенно если торопишься, было проще простого. Я вздохнула с облегчением только когда увидела главный ориентир – большую портретную галерею. Пока я семенила по красной ковровой дорожке, на меня оценивающе взирали руководители и педагоги прошлых лет, а может и веков – сначала с портретов, потом со старых чёрно-белых фотографий. Один из первых ректоров, оказывается, носил графский титул, а в сороковые многие преподаватели принимали участие в Великой Отечественной и были запечатлены в военной форме и с орденами.

Широкие и высокие панорамные окна актового зала пропускали много света. Он струился по сцене, стекал вниз по ступеням на старый паркет и перепрыгивал солнечными зайчиками на спинки пластиковых стульев, покрашенных в три разных цвета: красный, синий и белый – в тон российскому флагу.

В первом ряду расположились преподаватели. Большинство уже заняли свои места, но два пожилых профессора остались стоять, оживлённо разговаривая. Я невольно засмотрелась на эту парочку, являвшую собой полную противоположность друг другу. Один из старичков – лысоватый, в мятом свитере, со всклокоченной бородой – что-то живо и энергично доказывал своему собеседнику. Прямо хрестоматийный персонаж, эдакий классический сумасшедший учёный. Другой – невысокий седовласый дедуля с приятной улыбкой – напоминал скорее аристократа. Аккуратная причёска, чистый, выглаженный белый костюм и такая же белая, изящная трость. Он так внимательно слушал своего товарища, что даже прикрыл глаза, и лишь иногда чуть заметно кивал в такт разговора.

Сначала мы заняли место на галёрке, но один из забавной парочки – тот, что с тростью – похоже, поймал на себе мой взгляд и помахал нам, чтобы мы пересели ближе. Мне достался красный стул, Яшке – синий, а Лизка села по другую сторону от меня на белый.

Кафедра с микрофоном пустовала. Тот, кто должен был произнести торжественную речь, задерживался. Студенты радостно галдели, обсуждая нечто, наверное, очень важное. Только первокурсники скромно жались и молчали.

– О, вон он идёт, – толкнул меня локтем в бок Яшка, – Иван Иванович Кузнецов. Ректор наш. Сейчас начнётся.

Поглаживая висящий на груди поверх пиджака кованый медный ключ, к сцене чинно приближался мужчина средних лет. Несколько мгновений я разглядывала его, то отводя глаза, то снова сосредотачиваясь – и каждый раз испытывала странное чувство, которому поначалу никак не могла дать описание.

Да что же не так с этим человеком? Вроде бы ничего особенного: простой дядечка, роста среднего, не худой и не толстый, непримечательные, мягкие черты лица, стильный, но неброский костюм, уверенная походка... вот, поняла! Какой-то он слишком уж обыкновенный. Наверное, если бы нужно было нарисовать портрет абсолютно типичного, среднестатистического мужчины, точно получился бы он. Ни одной запоминающейся характеристики – сколько ни всматривайся, в памяти ничего не остаётся. Разве что этот странный ключ...

Иван Иванович тем временем встал за кафедру и несколько раз щелкнул пальцем по микрофону, проверяя звук:

– Ребята! Попрошу тишины. Рад приветствовать всех вас в стенах нашего института! И особенно – первокурсников. В этом году у нас очень интересный и перспективный набор. Все новенькие – на редкость способные и многообещающие дети. Уверен, что здесь они получат всё, что потребуется для раскрытия их талантов, и в будущем не раз порадуют нас своими успехами, – ректор сделал небольшую паузу, обводя зал взглядом бесцветных глаз. – Итак, я желаю вам продуктивного учебного года. У вас всё получится. Я же с удовольствием передам слово нашему многоуважаемому коллеге, который с сегодняшнего дня будет нести, так сказать, свет разума в ваши неокрепшие умы. Давайте поприветствуем его! Опаздывающие, прошу вас, не шумите, проходите скорее, занимайте места! Вениамин Валерьянович очень не любит, когда студенты опаздывают!

– Вениамин... кто?! – шепнула я.

– Валерьянович, – тоже шёпотом ответил Яшка, указывая украдкой на того самого миловидного старичка, который сразу мне приглянулся. – Наш препод по философии. Самый странный из всех. Уж не знаю, почему в этом году именно он раздаёт нам напутствия...

Кузнецов покинул сцену и направился куда-то к задним рядам, а седовласый дедушка, едва заметно поклонившись в ответ на наши нестройные аплодисменты, не спеша поднимался

по лестнице. Ступал Вениамин Валерьянович мягко и неторопливо, выверяя каждый шаг как крадущийся кот. На середине пути и вовсе остановился, будто устал. Улыбнулся. Окинул отсутствующим взглядом зал – и тут я поняла, почему он идёт так медленно и странно. И почему он слушал своего коллегу, опустив веки, совсем не смотря на него. Светло-серые глаза профессора были затянуты мутной белой поволокой, в которой терялись, как в снегу, зрачки. Старик-философ оказался слепым.

Подумать только, и он поднимается на сцену один, без помощника, нащупывая мыском каждую новую ступеньку!

Я взвилась с места и подлетела к нему:

– Здесь ещё три ступеньки. Возьмите меня под руку!

– Студентов из группы «Ф» сразу видно! – снова улыбнулся дедушка, положив ссохшуюся морщинистую ладонь мне на плечо. – Однако не утруждайтесь, девочка. Садитесь. Я вполне самостоятельный.

В груди у меня что-то натянулось и заныло от тоски. Тут же стало ещё раза в два его жальче.

Подойдя к кафедре, старичок выключил микрофон. Его слегка шепелявящий голос без всяких динамиков довольно отчётливо разнёсся по залу:

– Как вы знаете, я философ. И я мог бы долго философствовать перед вами про дуализм этого мира, про свет и тьму, про бессмертных ангелов и демонов... но не буду. Не буду. Мне лень. Да и вы всё равно на слово не поверите. Проще взять и показать...

Он расстегнул пиджак и полез во внутренний карман. Под потолком висит проектор, а сзади за сценой – большой белый экран. Может быть, дедуля ищет флэшку с презентацией? Или он забыл свою речь, и у него там листок со шпаргалкой, написанной шрифтом Брайля? Но что тогда он собрался показывать?

Пистолет в его руках возник неожиданно для всех. Направленное на нас дуло крохотной чёрной дырой сверкнуло в воздухе. Проворно щёлкнул затвор, лязгнул спусковой крючок, и громкий выстрел эхом отразился от стен актового зала.

Он, конечно, мог промахнуться. На это я и надеялась, открывая зажмуренные от страха глаза – он ведь слепой, а значит, прицелиться у него не получилось бы. И всё же он не промахнулся. Яшка дёрнулся и сведённой от боли рукой схватился за грудь. На белой рубашке моего нового друга вспыхнуло и начало расплзаться ярко-алое пятно. Парень тихо захрипел, скрючился и завалился вперёд, ударившись головой о следующий ряд сидений.

Вскочив, я отшатнулась. Споткнулась о Лизкины ноги, попятилась и вжалась спиной в стену между двумя окнами. Кто-то из первокурсников заорал, кто-то в панике нырнул вниз под стулья, скрываясь от сумасшедшего профессора, кто-то попытался выбежать в коридор, но дверь зала оказалась заперта, и он только беспомощно дёргал ручку, крича «Помогите!». Лишь некоторые новички остались на своих местах и почему-то заржали. Особенно Лизка хохотала громче всех, аж до слёз. А вот старшекурсников совсем не прорвало. Они не стали ни паниковать, ни истерически веселиться. Кажется, один из них даже зевнул.

По залу плыл чуть заметный сизый дым и запах пороха. Меня трясло. Я слышала про безумных студентов, которые устраивают стрельбу в институтах, но чтобы такое учинил сам преподаватель... И почему его никто не останавливает? Почему не отбирают оружие?!

– Ах ты ж чёрт возьми!..

Это Яшка вдруг прерывисто втянул в себя воздух и недовольно застонал. Поставив руки на колени, приподнялся. Прядки его волос, испачканные кровью, оставили на белой спинке впереди стоящего кресла длинные красные полосы.

Кашлянув, он выплюнул свинцовую пулю в руку и сжал её в кулаке, пряча от удивлённых глаз. Потом воскликнул обиженно:

– Вениамин Валерьянович, почему чуть что, сразу я?! Вы бы хоть предупредили!

– А я разве не предупреждал, Сыроежкин, что получивший самый низкий балл по моему предмету на подготовительных курсах будет жестоко расстрелян? Ты думал, я шучу? Философия, молодой человек, серьёзная наука. Юмора она не терпит!

– Рубашку-то за что! – шипел Яшка, запуская пальцы в разорванную дырку. – Она же совсем новая!.. была...

– Рубашка Сыроежкина неслучайно приняла на себя вражескую пулю, – иронично проговорил дедушка, обращаясь к залу. Он снова улыбнулся, но улыбка его теперь мне разонравилась. – Способность каждого из вас, дорогие мои – это и дар, и проклятье. И тут я не просто говорю красивые слова! Воистину, тот, кто исцеляет от смертельных ран, однажды сам будет смертельно ранен. Тот, кто окружён синим оргоном, неизбежно сталкивается не только с чудесным выздоровлением, но и с неизлечимыми травмами. Целитель и больной сплетены меж его спиралей ДНК воедино. Не ищите здесь человеческой логики! Она в сказанном присутствует, да только вашим нынешним расколотым, дуальным умом её не понять. Однако не тревожьтесь. Всё будет хорошо. Вашим умом мы займёмся чуть позже – на моих занятиях.

С этими словами препод вдруг перевёл затуманенный взгляд на меня. Его белые глаза меня не видели и, одновременно, *видели*:

– Милочка, а вы у нас кто?

– Ан... Антипова, – с трудом выдавила я. – Ника.

– Замечательная выдержка, Ника! – воскликнул профессор. – Только почему, собственно, вы на меня так смотрите?.. Садитесь, пташка, в ногах правды нет. Эй, а вы, лентяи и прогульщики, что, уснули там на полу? Хватит прохлаждаться, вылезайте из окопов. Открываем блокноты и записываем расписание на сегодня – сегодня у вас будет пять пар: биология, химия, правоведение, география и история искусств.

– П-простите, – раздалось из-под стульев, – что вы хотели этим всем сказать? Что наш Яшка... типа ангел? Поэтому бессмертный?

– Если выражаться в общепринятой – я имею в виду, у людей – парадигме, – занудно поправил профессор, – то он у вас скорее демон, чем ангел. Но это всё условности, молодой человек. На самом деле никаких ангелов и демонов нет и никогда не существовало. Зато есть фениксы – крылатые существа, которым подчиняется огонь и воздух, и уроборосы – змеи, повелевающие водой и землёй. Да-да, именно эти два божественных творения изображены на ваших студенческих карточках.

Я потрясённо рухнула обратно на свой стул. Еле успела до него дойти – и ноги подкосились.

– Две вечных сущности! – продолжал патетически вещать философ. – Два символа бесконечности, о которых мы ещё не раз будем говорить! Ползучих позже окрестили демонами, а летающих – ангелами, не это не совсем верно. В действительности две бессмертные расы просто поделили мир напополам. Без войны, без споров – и отныне каждый несёт свою службу. Между ними нет и не должно быть противостояния. А в наш век и вовсе абсолютно нормально, если феникс и уроборос подружатся – как эти двое – и даже сядут вместе за одну парту!

Он махнул в нашу сторону рукой. Яшка повернулся ко мне и смерил оценивающим взглядом. Зрочки у моего однокурсника снова стали змеиные – тонкие и вытянутые. Я поёжилась.

– Кто-то из вас уже узнал о себе правду, – сцепив руки за спиной, профессор теперь расхаживал туда-сюда по сцене. – От родителей или от ваших бенефакторов – не столь важно. Ну и конечно, я тоже внёс свою лепту – громче всего сейчас смеялись те, кто посещал мои подготовительные уроки. Иным же повезло меньше. Им ещё только предстоит встретиться со своим скрытым «я» и пройти стадии отрицания, гнева, торгов. До депрессии, полагаю, не дойдёт. Да, уважаемые студенты групп «У» и «Ф» – то есть, те, кому выдали цветные пропуска – в данный момент я обращаюсь к вам. Надеюсь, вы поверили мне на слово и не станете проводить экспериментов над самим собой, проверяя способность к возрождению из праха и пепла. Если

же нет – предлагаю не медлить и сделать это прямо сейчас на глазах у всего зала. Так сказать, для закрепления пройденного материала. В пистолете ещё остались патроны.

Первокурсники, испуганно моргая, смотрели на кафедру, где лежал матово-чёрный «макаров» с пластиковой коричневой рукоятью.

– Желающих нет. Замечательно. Вы гораздо понятливее предыдущего потока.

– А те, у кого белые пропуска, – спросил сосед Лизки, парень, который минуту назад громче всех орал, – группа «М». Они кто такие?

– Для того чтобы помочь вам, нетленным, справиться с вашей неконтролируемой, трудно подчиняемой природой, был сформирован наш институт – ЛИМБ. Здесь вы учитесь плечом к плечу, на одном потоке, с магами – то есть, по сути, с обычными, смертными людьми, передающими из уст в уста как семейную реликвию тайное, метафизическое знание. Вы узнаете их по уникальным, говорящим фамилиям, которые они испокон веков наследуют от отца к сыну и от матери к дочери. Запомните их! В отличие от вас, чьё бессмертие – так сказать, случайная ошибка природы, именно потомственные маги позже возглавят следом за своими предками особый отдел ФСБ, в котором лучшие из вечных будут работать на службе у Отечества!..

– А что будет с худшими? – пискнула низенькая девочка с заднего ряда.

– Этого вам, леди, знать вовсе не обязательно. Ваше дело – прилежно учиться и слушать преподавателей. Мы-то, в отличие от фениксов и змиев, не бессмертны, а значит тратим с вами – лоботрясами – своё драгоценное время. Будьте любезны, цените его.

– Подскажите, что означает буква «Б»? – раздался ещё один насущный вопрос от первокурсника.

Старик, словно бы между делом, потёр подушечкой пальца циферблат наручных часов:

– Хотел бы ещё поболтать с вами, юноши и девушки, да не могу. Спектакль окончен. До встречи завтра на лекции.

Он спустился со сцены гораздо проворнее, чем на неё забирался. Проковылял между рядами к открытому окну. Распахнул пошире, будто дверь, створку, и бесстрашно шагнул наружу.

Первокурсники снова заголосили. Что же он делает! Хорошо ещё, что наш третий этаж – это по сути первый над землей, а то ведь такая опрометчивая выходка могла закончиться плохо.

– Когда-нибудь убьётся, – пробормотал Яшка, стрельнув глазами в сторону раскрытой, постукивающей о стену, деревянной рамы.

Так я и не поняла – беспокоился ли парень за философа или, напротив, желал ему поскорее убиться. Сняв с груди медный ключ, ректор отпер замок актового зала, и первокурсники, шумя и толкаясь, побежали прочь.

* * *

Что ж, по крайней мере, теперь понятно, что «Б» – это не Бизнес.

Я шла по коридору между Яшкой и Лизкой, прижимая к груди портфель. Надеть его на спину сейчас как-то не поднималась рука. Казалось, у меня там и правда крылья. Точнее, только одно – но острое, как тысяча ножей.

– «Б» – это Безумие, – недовольно буркнул парень, словно прочитав мои мысли.

Или Бессмертие?.. Подождите, что же это получается... Если бы лысый прирезал меня вчера в переулке, то мне ничего бы не было?!

Да нет, чушь какая-то. Не иначе как сумасшедший старик бредит. А может это просто розыгрыш? Этакое театральное представление для студентов-первокурсников перед посвящением? И мои сны про полёты – всего лишь случайное совпадение?..

– Ребят, что вы обо всём этом думаете? – выныривая из своих раздумий, подала голос я.

– Я думаю, что сегодня после пар нам снова надо нажраться, – выпалила Лизка.

– Присоединяюсь, – вздохнул «змий», всё ещё потирая пальцами грудь в том месте, куда недавно угодила пуля. Кровь у него перестала течь на удивление быстро. Хотя, о чём это я. Наверное, там, под рубашкой, была спрятана какая-то капсула с красной жидкостью. Вся жидкость вытекла, и шоу закончилось.

– Что он тебе пообещал? – меня так и подмывало полюбопытствовать. – Зачёт автоматом? Ха, или, вернее, пистолетом?!..

Я рассмеялась, сбрасывая напряжение:

– Кстати, о пистолете. Пулю ты заранее положил в рот, чтобы потом выплюнуть, это понятно. Но если оружие – муляж, то как получился такой громкий звук выстрела и откуда взялся запах пороха?

Ребята остановились и оба синхронно посмотрели на меня.

– Ника, – наконец, сказал Яшка, начав расстёгивать пуговицы на рубашке. – Это не пранк.

– Так, Сыр, погоди, – поспешно прервала его Чародеева. – Там зрелище не для слабонервных, а нашему фениксу это ни к чему. Пускай первого сентября она просто с нами напоследок побухает. Понимаешь? Как обычный человек! Испугать её ты ещё успеешь...

Глава 5. Прямым в АД

– Ник, – Лизка ткнула меня карандашом в спину, – а ты слышала, что у нас тут девушки пропадают?

В кабинете биологии было темно – свет из окон заслоняли ветки и листья растений. Преподавательница – невзрачная тихая женщина средних лет в бежевом свитере и толстых очках – особенно любила монстеры и пальмы. На подоконниках, как в густом тропическом лесу, возвышались настоящие заросли. А ещё здесь вилось много кошек самых разных цветов, которые свободно гуляли по аудитории, скакали по стульям и партам, тёрлись о студентов. Рыжие, серые, черепаховые, камышово-полосатые, чёрные с белыми лапками и, конечно, чисто чёрные.

Одна кошка выглядела упитаннее других и ходила медленно – кажется, была беременной. Когда она запрыгнула, не без труда, на преподавательский стол и легла прямо на журнал, Анна Александровна, скромно улыбнувшись, не стала её прогонять, чтобы провести переключку. Только упомянула зачем-то, ласково поглаживая пушистую, что скоро студентов второго курса, получивших летом на экзамене тройки, ждёт пересдача. Оказывается, за двойку в ЛИМБе моментально отчисляют, а вот тройки разрешают пересдать в случае, если их за всё время обучения наберётся не больше пяти. Дальше я не дослушала.

– В каком смысле «пропадают»? – я повернулась к Лизке. – Откуда? И куда?!

– Из общежития. А вот куда – этого тебе никто не скажет. Ни одну так и не нашли...

Перебитая нашей болтовнёй, биологичка вздохнула. Помолчала немного, пытаясь поймать упущенную мысль, потом подтянула сзади хвостик блёклых русых волос – за них я про себя прозвала её «Серой Мышкой» – и продолжила говорить дальше. Что-то про то, что для студентов группы «У» её предмет один из профильных, и на экзамене им, в отличие от остальных, придётся сдавать не теорию, а сложное практическое задание. Нас с Лизкой это не касалось, поэтому мы, на полминуты притихнув, снова взялись за своё.

– Тут от института два шага пройти, сама же знаешь! – шептала рыжая. – А они в один прекрасный вечер выходят с дополнительных, приложив на турникетах свой пропуск, и всё.

– Давно это началось?

– С марта. Весной и летом пропадали раз в месяц. В новолуние. На двадцать девятые сутки! Понимаешь, что это значит?

– Нет, – поёжившись, честно ответила я.

– Это же сатанинский день! – сделав большие глаза, выпалила Лизка. – Скорее всего, их приносят в жертву! Ходят слухи, что это кто-то из «своих», потому что при нашей степени энергетической защиты никто со стороны к нам внутрь просто не проник бы! И уж тем более не узнал бы про пропавших студенток личную инфу, о которой известно только ректору и преподам...

– Чародеева, да прекрати отвлекать! – громким шёпотом перебил Яшка. – Я нифига не слышу, что Анна Александровна говорит. На перемене потреплется.

– В общем, Ника, ты там поаккуратнее, ладно?

– Так ведь я же... типа бессмертная? И, кажется, со сверхспособностями?..

– Ха! Они знают, с кем связываются. Повяжут на горло верблюжьё нитку – и плакали твои способности.

– В смысле?!

– А ещё, говорят, можно печать нарисовать...

Яшка снова цыкнул и смерил нас обоих уничижительным взглядом. Жёлтые глаза злобно блеснули в полумраке аудитории. Чтобы его не бесить, я наконец отвернулась, раскрыла свою книгу на первом параграфе и тут же вздрогнула.

Почти на всю страницу учебника был изображён рыжий, надменно глядящий на зрителя из-под прикрытых век, двугорбый верблюд.

* * *

В общем, биология оказалась не совсем биологией, а верблюд – не совсем верблюдом. У магов пушистый корабль пустыни считается древним архетипом и важнейшим оккультным символом. Энергетика, образующаяся между двух горбов этого животного, как между двух полюсов магнита, «заземляет» и запирает человека в ограниченном двойственном мире, в который люди попали после грехопадения, вкусив плод с Древа познания Добра и Зла. Амулет из верблюжьей шерсти разрушает любое колдовство и делает его невозможным: в приземлённой физической реальности ни магии, ни регенерации, ни тем более бессмертия попросту не существует.

Врождённые способности фениксов и уроборосов может ещё ослабить дым смолы можжевельника или высушенный и стёртый в пыль корень мандрагоры, разведённый соком ягод «ночной красавки», она же белладонна. Правда сейчас эти ингредиенты найти крайне сложно, а ещё сложнее найти химика, который согласится с ними работать.

Кстати, о химии – она у нас тоже оказалась не совсем химией. Нам рассказывали что-то про виды первоэлементов – земли, воды, огня, воздуха и эфира. Про серу и ртуть, олицетворяющие мужское и женское начала. Про «священное соитие» – соединение солнца и луны, добра и зла, левого и правого полушарий, феникса и дракона – для порождения Великого Единства, то есть, состояния, находясь в котором, человек способен на всё.

Преподавательница была стройной дамой лет сорока с ярко-алой копной распущённых по плечам волос. Когда она садилась за стол, то издалека казалось, будто на кафедре взорвались химические реактивы и начался пожар. Возможно, у неё не только внешность взрывная, но ещё и характер – подумала я с опаской. И, на этот раз, честно старалась слушать лекцию, хотя информация всё равно воспринималась с большим трудом.

Трансмутация? Тинктура?? Алхимический андрогин??? По химии у меня в школе была твёрдая пятёрка, но тут в первые же минуты стало ясно – о школьных знаниях можно сразу забыть. Кажется, преподавательница так и сказала, но я сперва ей не поверила – по-моему, все они так говорят. А теперь понимаю, что она вовсе не шутила.

Программа курса делилась на две части: первый семестр отводился студентам на внутреннюю алхимию – изменения в мыслях, чувствах, восприятии вещей, образе жизни, а второй предполагал работу с твёрдой материей – то есть, внешнюю алхимию.

– Значит, мы сможем превращать булыжники в золото? – не выдержал Яшка.

– Теоретически да, Сыроежкин. Сможете.

– А практически?

– А практически я советую вам начать с малого, поскольку золото – самый опасный элемент всей таблицы Менделеева. Не ртуть, не мышьяк, не свинец – нет. Именно золото. Оно порождает внутри котла неокрепшего неофита алчность и жадность, а эти два порока, как известно – смерть для души. Подобно вечно голодному огню, они уничтожат все ваши достижения первого семестра, и вам придётся начинать преобразование сначала. Так понятно?

– Понятно, – вздохнул тот. – Разбогатеть не получится.

– Получится, Сыроежкин. Но истинное богатство не имеет ничего общего с золотом.

Яшка, который на перемене рассказывал, что они с матерью живут очень бедно и он с четырнадцати лет перебивается на разных подработках, таким ответом Агаты Анатольевны не впечатлился. Он продолжил с грустью рассматривать свою рваную испачканную рубашку – наверное, прикидывал в уме, сколько ещё часов ему придётся отработать курьером или выгульщиком собак, чтобы купить себе новую.

Я не успела сходить в столовую после второй пары и думала перекусить на следующей перемене, но на правоведении аппетит нам отбили, продемонстрировав толстенный кодекс, который за полгода мы должны будем проштудировать и вы зубрить наизусть.

Хотя, если верить лекторше, мы в этом плане счастливчики, и древние своды правил были ещё объёмнее и запутаннее. Преподавательница с гордостью похвалилась перед нами своей коллекцией законодательных актов и комментариев к ним – столь внушительной, что, войдя в аудиторию, я сначала подумала, что перепутала кабинеты и попала в библиотеку.

Стены помещения были уставлены книгами до самого потолка. Многие из них выглядели, как настоящие раритеты: старинные, потрескавшиеся от времени переплёты с витиеватыми подписями на древних, а то и вовсе магических языках.

– Это не просто правила, – назидательно вещала со своей кафедры худенькая старушка с седым пучком на макушке. – Это история того, как фениксы, уроборосы и люди учились мирно сосуществовать, жить и взаимодействовать сообща, не мешая друг другу...

В древние времена люди во всём слушались бессмертных, всецело полагаясь на их волю как на глас небес, но в наши дни ситуация поменялась. «Мирное сосуществование» предполагало, что именно фениксы и уроборосы подчиняются законам, написанным для них людьми. Да что там! Даже преподавать в ЛИМБе разрешено только людям – вечных существ до учебного процесса ни в коем случае не допускают. Интересно, чем тогда такие как мы могут быть полезны спецслужбам?..

– Клавдия Семёновна, – я подняла руку. – У меня вопрос. Скажите, нас здесь будут учить убивать людей?

– Антипова, а ты сразу с места в карьер, – цыкнула бабушка. – Ладно я – меня уголовный кодекс закалил – но остальным преподавателям лучше такой вопрос в лоб не задавать.

– И всё же?..

– Вас будут учить *не* убивать, Антипова. Более того, первая заповедь у нас гласит что?.. – она поправила очки в толстой оправе и сама же себе ответила. – Правильно, «Не убий». Поэтому зарубите себе на носу: тот из вас, кто хоть раз, умышленно или случайно, погубит смертного человека, незамедлительно отправится из ЛИМБа напрямиком в АД.

– В ад?

– Не в ад, а в АД, – сделав страшные глаза, Клавдия Семёновна выделила особой интонацией эти буквы. – В Антикриминальный Департамент ФСБ. Проще говоря, за решётку.

– И какой срок дают таким, как мы, за убийство?

– Статья 1286 пункт 33, моя девочка.

Тишина в аудитории сменилась шумом быстро перелистываемых страниц.

– Пожизненный! – выдохнул кто-то с заднего ряда.

– Молодец, Ведьмин. Заслужил сегодня плюсик в журнал.

– А пять плюсиков – это пятёрка?..

– Подождите, – перебила я одноклассника. Плюсики Ведьмина меня совершенно не волновали. – Как пожизненный?! Мы ведь бессмертны!

– В том-то и дело, Антипова. В том-то и дело. Поэтому приучайте себя к самоконтролю смолоду, изучайте Его Величество Закон и будьте аккуратны.

Запах моего любимого борща, который доносился до носа с нижнего этажа, положению не помог. На очередной перемене в столовую я снова не пошла. Правда, Яшка поделился со мной бутербродом – с капустой, укропом и соевым сыром. Он, как выяснилось, веган – с детства не ест мясо и молоко.

Чтобы не обидеть нового друга, я захрустела пресным сэндвичем. Напряжение внутри нарастало пропорционально увеличивающемуся непониманию всего происходящего. Это, наверное, не шутка и даже не страшный сон – хотя с каждой новой парой всё сильнее хочется проснуться.

Аудитория преподавателя географии напоминала помпезный музейный зал, в котором проходила выставка фантастических тварей по мотивам картин не то Босха, не то Дали. Ото всюду с полотен и скульптур на нас смотрели монстры, бесы, драконы и змеи, люди с головами зверей, звери с головами людей, создания многорукие и многоногие, многоглазые и многоголовые, вооруженные до зубов, танцующие, сражающиеся, поедающие друг друга или совокупляющиеся. Многие из них были изображены настолько правдоподобно, что, казалось, вот-вот оживут – прыгнут со своих пьедесталов или сойдут с холстов.

Яшка шепнул, что хобби географа – разыскивать по всему миру художников и скульпторов, которым «посчастливилось» воочию столкнуться с необычными существами и запечатлеть их в своём творчестве. За такую порцию вдохновения большинство мастеров заплатило дорогую цену – многие теряли рассудок, а единицы и вовсе накладывали на себя руки. И, кажется, я отчасти могла их понять.

После того, как мы всю пару рисовали контурную карту нижнего астрального мира, сникли все – даже неутомимый Яшка. Вздыхая над атласом, парень скрипел грифелем карандаша, с дотошной точностью копируя иерархию сущностей: бесы, черти, суккубы, подселенцы, паразиты, неупокоенные, лярвы... Их в нижнем астрале, как назло, оказалось превеликое множество – будто полезных ископаемых на карте России, и к концу пары они высосали из нас все силы.

Преподаватель – высокий худой дядечка с большим носом – в самом начале занятия извинился и сказал, что ему срочно надо отойти по одному важному делу. Дал задание, а потом сел за учительский стол, сложил руки в замок, закрыл глаза, глубоко вздохнул – и больше ни на что не реагировал. Наверное, действительно отошёл очень далеко – в другой город или страну, а то и вовсе на другую планету – и оттуда нас не слышал. Не вернулся он даже тогда, когда приглушённой колокольной трелью прозвенел звонок, и студенты с облегчением повскакивали из-за парт.

– Так, вместо биологии у нас биоэнергетика... – откинув карандаш, рассуждала я вслух. – Вместо химии – алхимия, а вместо географии – астральные путешествия. И даже понятно, для чего нам правоведение – для умирения мятежного бессмертного духа. Но история искусств – зачем?!

– Да ещё и пятой парой, – недовольно буркнул Яшка, разминая спину. – Издевательство какое-то над студентами! А что если нам...

– Пойдём хотя бы посмотрим, как кабинет выглядит, – Лизка по-быстрому помогла мне покидать вещи в сумку и потянула прочь по коридору, подальше от Сыроежкина.

Правда, как она ни старалась от него отделаться, когда мы поднялись на третий этаж в нужную аудиторию, парень каким-то образом уже оказался там. Жёлтые глаза с узкими зрачками сверкнули ярче обычного:

– А что если нам забить! – радостно выпалил Яшка, встречая нас на пороге.

Ну точно, змей-искуситель!

– Предложение, конечно, заманчивое, – аккуратно ответила я, опустив сумку на ближайшую парту. – Но начинать первое сентября вот так, с прогула...

– Знаешь, а в чём-то Сыр прав, – неожиданно согласилась Лизка. – В прошлом году у нас вообще такого предмета не было. Явно это какая-то лажа, чтобы заполнить норму часов. Да и вводное занятие всегда скучное, ничего интересного не пропустим.

– Лиз, ты что, в третий раз хочешь остаться на первом курсе? – пожурела её я.

– Нет, вы как знаете, – в сердцах воскликнул Яшка, махнув рукой, – а лично я вымотался до смерти! Пойду в общагу отсыпаться!..

Я открыла рот, чтобы напомнить ему, что бессмертный при всём желании не сможет вымотаться «до смерти», но тут из коридора раздалось мрачное:

– На том свете отоспишься.

Вот те раз! Неужели препод никому-не-нужной истории искусств пришёл раньше времени?! Да ещё и застал прогульщиков с поличным! Какое неловкое вышло знакомство...

– В класс, – прохладный, я бы даже сказала безразличный, голос, но властный настолько, что не подчиниться ему невозможно. – Живо.

Все притихли. Пухленькая девочка сзади даже перестала хрустеть чипсами и спрятала подальше шуршащий пакет. Горе-прогульщики кубарем влетели в аудиторию, будто их вдуло шквалистым ветром.

Я узнала его – ещё раньше, чем он вошёл. В просторный зал ворвался запах жухлых листьев, приближающейся грозы и сладковато-кислой, свежей крови. Всё вокруг поплыло жаркими волнами, как вчера ночью, и я опять едва не потеряла сознание.

Больше всего на свете я боялась, что мои кошмары начнут сбываться.

Глава 6. Двенадцать спиралей

С чего я вообще решила вчера, что он студент?! Сейчас, когда на его скулах и подбородке проступила однодневная щетина, он казался старше.

«Казак» с цепями гулко стучали по полу. Насильно усадив несостоявшихся беглецов за первую парту – прямо перед своим столом – высокий блондин с бритыми висками, спустил с плеча плотный узкий чехол, расширяющийся книзу. Вытащил ежедневник в чёрном кожаном переплёте. Сел. Снял с обложки гелевую ручку с бурым содержимым внутри, прищурился, изучая студентов. Брови и ресницы у него были темнее волос, и по-особому оттеняли глаза, от чего становилось ещё сильнее не по себе.

Я невольно потупила взор и перевела внимание на его руки. Ногти обычные, светлые, коротко подстрижены. На запястьях нет ни повязок, ни пластырей, ни шрамов – в общем, ни единого намёка на недавние раны.

– Начну с главного: мою подпись подделать ещё никому не удавалось. Присутствие на парах отмечаю самостоятельно. Журнал заполняю исключительно красными чернилами, – он прервался, потом добавил с усмешкой. – Вообще-то я предпочитаю кровь девственниц, но в условиях сложившегося дефицита приходится использовать более доступные варианты.

Его тяжёлый взгляд выудил меня из общей массы студентов и словно поймал на крючок. Слегка кивнув, он улыбнулся незаметной улыбкой, которая была понятна только мне.

– Да, вы тоже садитесь, – бросил будто бы между прочим. Однотруппники, не успевшие занять места, покорно подчинились – как в зале суда. Через несколько мгновений и я, наконец, заставила негнущиеся ноги согнуться и опустилась за парту у двери – словно собиралась, едва вчерашний убийца отвернётся, бежать.

– Итак, – когда все расселись, музыкант невозмутимо откинулся на спинку своего кресла, крутя в руках красную ручку, – я тот самый препод по истории искусств. По новому, бесполезному предмету, который вам всем придётся волею судьбы в совершенстве освоить. Меня зовут Лев Станиславович Чернов.

Молчание наконец нарушилось, по аудитории поплыл шумок.

– Если у вас уже появились вопросы, задавайте вслух.

– А правда, что вы профессор? – пискнул вдруг кто-то.

– С чего вы взяли? – он обвёл взглядом зал и в два счёта определил говорившего. Музыкальный слух, наверное.

– Так в нашем расписании написано, – с опаской пояснила девчонка из группы «М». – Под вашей фамилией.

– Иван Иванович мне льстит, – холодно хмыкнул препод. – Ещё вопросы?

Все снова замолкли. В полной тишине шелестнули страницы журнала:

– Что ж, тогда давайте знакомиться с вами. Какой у нас тут состав?.. – его указательный палец с тяжёлым перстнем-пентаграммой проскользил по списку студентов. – Ого, целых пять фениксов на потоке. Примите мои соболезнования. Кто-то из пернатых знает, сколько у него спиралей ДНК? Анисимов?

– Шесть.

– Богданова?

– Четыре.

– Егоров?

– Семь.

– Карпова?

– Три.

– А у меня девять! – с гордостью выкрикнул Яшка, вскочив.

– Сыроежкин, сядь, тебя не спрашивали. Так, Антипова, ну а ты?

– Я... – поднявшись, я осеклась. Голос звучал тихо – вот-вот совсем сойдёт на нет.

О чём они вообще?! Какие ещё спирали? И почему так много? Разве у человека их не должно быть две?..

– Я не знаю, – выдавила я.

– У тебя... – на пару секунд он замер. Остекленевшие, неподвижные угольные глаза прожгли меня насквозь. Внутри тут же стало так холодно и некомфортно – будто я вернулась домой, куда в моё отсутствие залезли воры, распотрошили и перевернули вверх дном всё, что было так бережно и старательно расставлено по полочкам и шкафчикам, а потом удрали через окно, оставив его открытым. Я аж поёжилась.

Закончив копаться во мне, Чёрнов вздёрнул бровь и со вздохом заключил:

– У тебя все двенадцать.

В аудитории присвистнули.

– Вдвойне вам соболезную. Чародеева, особенно тебе. Неудачно ты осталась на второй год. Прежний состав был на порядок спокойнее.

– Да ладно, Лев Станиславович, вы преувеличиваете, – похоже, рыжая уже окончательно расслабилась, поняв, что выволочки за несостоявшийся прогул не будет. Выдув из жвачки большой розовый пузырь, она скопировала его вальяжную позу. Ну разве что ноги на учительский стол не положила. – Вообще-то Ника классная девчонка. Мы уже подружились!..

* * *

После пар за Лизкой приехал длинный чёрный «мерс» с блатными номерами и личным водителем. Или телохранителем?.. Глядя на накаченного молодца, мускулистые плечи которого едва помещались в рукава строгого костюма, я так растерялась, что забыла даже попрощаться или хотя бы спросить, что случилось с её «ауди». Уж не разбила ли она её вчера ночью?..

Сыроежкин, несказанно обрадовавшись отъезду одногруппницы, утянул меня в Александровский сад «освежиться». Ему торопиться было некуда – оказывается, он родом из Петрозаводска, поэтому тоже живёт в общежитии.

Мы сидели на скамейке, усыпанной шуршащими золотистыми листьями, а перед нами бурлил в стеклянных бутылках, сверкая пузырьками, яркий напиток. Как и в прошлый раз, у меня красный, а у парня – синий. Несколько минут мы с наслаждением молчали – после суеты учебного дня хотелось просто отдышаться. Потом я всё-таки спросила:

– Что такое оргон?

– Об этом нам рассказывали на подготовительных. Если вкратце, то жизненная энергия, – в руках у Яшки появилась открывалка, и он ловко поддел одну за другой металлические крышки. – Топливо для души. Его называют по-всякому в разных традициях: аура, ци, прана. А оргон – это по-западному. В день по нашим карточкам можно купить в автомате одну порцию. Иногда студентам надо быстро и без «спецэффектов» восстановить силы – вот, например, как сегодня... Ты пей скорее! В физическом мире он почти сразу теряет силу.

Сделав несколько глотков, я снова зависла с бутылкой в руке:

– А зачем его делают разного цвета?

– Это не цвет, а частота вибраций энергии. Она соответствует состоянию, в котором люди находятся. На старших курсах мы научимся управлять всеми цветами оргона, но обычно у каждого человека есть какой-то один базовый, который он транслирует чаще всего. Сейчас в мире наиболее распространён зелёный – его излучают влюблённые, тоскующие, горящие и те, кто в депрессии.

– Хм, ты уверен? Что-то уж слишком разные состояния. Я бы даже сказала, полярные. Одно дело – любовь, а совсем другое – горе...

– Они полярные в дуальном понимании мира, – умничал Яшка. – Но технически это всё один и тот же зелёный оргон. Просто его можно использовать по-разному – условно говоря, в негативном векторе или в позитивном. Но по модулю – в прямых скобках – это одно и то же. И если бы люди знали основы энергетики, то легко выходили бы из состояния горя в состояние любви. Им для этого ничего не требовалось бы, кроме осознания. Даже не надо искать где-то энергию или конвертировать её. Она уже у них в руках. И, что интересно, любовь будет такой же сильной, как секунду назад – горе...

На этом месте ему пришлось прерваться. Влюблённая парочка, проходящая мимо, оживлённо спорила по поводу того, где им лучше смотреть сегодня фильм – в кинотеатре с друзьями или дома наедине. На время притихнув, Яшка подождал, пока они отдалятся, потом прокомментировал вполголоса:

– А это оранжевая энергия во всей красе. Девушка хочет похвастаться своим новым парнем перед подружками, а он – поскорее уединиться с ней в постели. Вот они и спорят. Дальше будет больше: огонь, страсть, ссоры, ревность. Пары, у которых мало оранжевого оргона, живут мирно, но и влечение друг к другу там уже погасло. А те, кто бурно ссорится, потом бурно мирятся. Ну, ты понимаешь, о чём я, – парень скромно захихикал. – Жаль, что оранжевый оргон быстро заканчивается. Год или два – максимум три – и...

Его снова перебили. На этот раз какая-то сердобольная бабулька громко втолковывала школьнице с рыжим шпиком на руках, что тут нельзя выгуливать собак. Шпик отвечал бабке не менее возмущённым залившимся гавканьем.

– А между этими двумя – тоже огонь и страсть? – хмыкнула я.

Сыроежкин стрельнул глазами в сторону батальной сцены:

– Не, тут уже жёлтый оргон. Борьба за своё «я» и личные границы. Жёлтая энергия обеспечивает сильную защиту на всех уровнях, но и одновременно – провоцирует начать войну.

– А если не защищаться, то и воевать не придётся? Две стороны одной медали, да?

– Вроде того, – Яшка одним большим глотком выпил свой напиток до дна. – Уф! Ну и упыхался же я!..

Пара синих капель упала между нами на скамейку, скользнув по горлышку пустой бутылки.

– Ну ладно, – пробормотала я растерянно, – а синяя энергия?

– Синюю энергию излучают целители и больные.

– Больные?! Хочешь сказать, что по энергетике они с целителями равны?

– Ага. И у тех, и у других аура может расходиться на десятки метров – особенно она огромная у неизлечимых больных.

– А что будет, если у такого больного её отщипнуть? Или вообще съесть весь его оргон? Он тогда выздоровеет?

– Да. Именно так я и исцеляю.

Яшка смущённо улыбнулся и вытер губы:

– Я жуть как люблю синюю энергию! Она самая вкусная... – его глаза оживились и как-то по-особому зажглись. Будто тяпнув спиртного, он разразился долгой тирадой. – Люди не могут, не знают как правильно направлять силу, данную им. Она копится и вызывает в теле и душе искажения. Отсюда все страдания и болезни. У нас принято думать, что болезни даны в наказание за грехи, но на самом деле нет никаких наказаний свыше. Нет никакого карающего Бога. Вот, пожалуйста – бери эту энергию, используй. Живи. Вибрируй. Чем тяжелее твоя ноша, тем сильнее скрытый в тебе потенциал!.. Иисус Христос имел настолько огромную синюю ауру, что даже многочисленные исцеления и воскрешения мёртвых не помогли ему уйти от собственных страданий. Он не совладал со своей великой силой, и она вылилась в не менее великие телесные мучения. И таких, как он, святых мучеников – тысячи! Это и имел в виду Валерьянович

сегодня утром в актовом зале, когда меня застрелил. Он же неслучайно выбрал меня. Старик хоть и слепой, но оргон-то он отлично видит...

Кровь на его рубашке уже запеклась и из ярко-алой превратилась в коричневую. Можно было подумать, что парень измазлся в буфете шоколадом или вареньем, но меня всё равно передёрнуло, когда я вспомнила начало сегодняшнего дня.

– Я сильно болел, с раннего детства. Все боялись, что не выживу, – теперь Яшка задумчиво разглядывал зелёную эмблему аптеки через дорогу – волнистого змея, обвивающего чашу с лекарством. – На самом деле так и было. Я умирал по меньшей мере тысячу раз. Как только отступала одна напасть, сразу набрасывалась другая. Пневмония, желтуха, корь, коклюш, дизентерия, сепсис... Им не было конца и края. Пока в семь лет меня не привели к деревенской бабке...

Знакомая история. Я вздохнула. Прямо-таки до боли знакомая. А дальше, наверное, были амулеты, верблюжья шерсть и всё такое?..

– Бабка сказала маме, – продолжал изливать душу Сыр, – что на самом деле я целитель, а болезни мои – оттого, что я отвергаю свой дар. Мама покрутила пальцем у виска и бабку эту списала со счетов, как полоумную. Но я-то запомнил. Тогда у нас как раз жил хомячок, ему шёл четвёртый год, и он стал чахнуть и хромать... Я решил попробовать его вылечить, хотя и не знал толком как, но верил: раз бабка сказала – значит должно получиться!.. Короче, я долго с ним сидел, паялся на его клетку. На нетронутую морковку. На пустующее колесо. А потом – бац – всё произошло само собой. Хомяк больше не хромот, хорошо кушает и жив до сих пор. Ты когда-нибудь слышала о хомяках, которые живут по десять лет?.. Ха, я тоже нет! Потом я лечил ещё соседского кота, который выпал из окна с десятого этажа, собаку одноклассницы, подравшуюся с питбулем на прогулке, голубей со сломанными крыльями и отмороженными лапками... Позже уже переключился на людей, и с ними было даже проще. В общем, прошло лет пять, когда я вдруг понял, что мои болезни уже давно отступили бесследно. Я поменял свой вектор, понимаешь? Энергия всё та же – синяя, индиго – но суть так сильно отличается. Я имею в виду, отличается в нашем, привычном мире, – добавил он, подумав.

– Ты поэтому не ешь мясо? Потому что целитель?

– Зачем мне мясо, – фыркнул он. – Я ем напрямую оргон, а мясо – это просто обесчеленная резина, там ничего уже нет. Вот орехи люблю – в них энергии больше, чем в целом растении! Но такие дорогие сейчас стали, собаки...

«Надо завтра купить ему орешков, – про себя подумала я. – В благодарность за краткий пересказ содержания подготовительных курсов».

Допив свой напиток, я бросила бутылку в урну:

– Получается, что красный оргон излучают и преступники, и те, кто с ними борются?

– Именно.

– Но как же тогда отличить хороших от плохих?

– А никак. Будешь отличать слабых от сильных и более опасных от менее опасных.

Я вдруг вспомнила происшествие на автомагистрали, ведущей в Питер, и мне стало не по себе. А что если тот призрак на дороге не хотел убить невинного и вообще не замыслил плохого, а, напротив, пытался остановить зло?!

– Ты случайно не видел, какая машина у нашего препода?

– У которого из?

– Чернова.

– Видел, – безразлично повёл плечом Яшка, – «додж» у него. Джип. А что?

– Да так...

Не зная, как ему объяснить всё произошедшее и стоит ли вообще объяснять, я притихла.

– Кстати, а ты сама-то? – Сыр вдруг посмотрел на меня искоса. – Ты сама – хорошая или плохая?

Вечер был солнечный и тёплый, прямо как летом. Откуда же так сильно в одночасье потянуло осенним – нет, даже зимним – холодом?..

– Я не знаю, – одними губами произнесла я, поёжившись, будто бы от ветра.

Глава 7. Чертовски одарён

Соседку ко мне в комнату так и не заселили, но одиночество больше не радовало. Мне было не по себе, хотелось с кем-то обсудить происходящее, вот только с кем? Не с самой же собой говорить! И родителям о таком не напишешь. Знают ли они вообще, что творится в ЛИМБе, или им в приёмной комиссии наплели с три короба о моделировании «бизнеса»?..

А что если на самом деле это не институт, а какая-нибудь секта?!

Поздним вечером я полезла в интернет на официальный сайт вуза, долго там копалась и в итоге нашла документы об аккредитации. Всё чинно – как и полагается одному из старейших питерских учебных заведений. Красивые кадры Исаакиевского собора с разных ракурсов. Актуальные новости. Информация для поступающих. Фото счастливых студентов с каких-то общественных мероприятий. Научная жизнь и спортивные достижения учащихся. Дополнительные кружки с возможностью записаться онлайн: программирование, английский язык, фехтование, каллиграфия, археология и даже класс фортепиано.

Кликнув на наше расписание, я к своей радости увидела, что история искусств – это, оказывается, факультатив! На следующей неделе в четверг пятой парой у нас стоит астрономия, а потом можно будет выбрать, какой из двух курсов посещать. Неужели всё так просто?!

Я завтра же запишусь на астрономию, и мы с Черновым никогда больше не увидимся. Мне больше не придётся трястись перед ним словно осиновый лист, и я забуду этот жуткий вечер как страшный сон!..

Ворочаясь в постели, я ёрзала на скрипучей накрахмаленной простыне и вздыхала. Что-то мне подсказывало, что я рано радуюсь. Чернов – маг, как и все преподаватели в ЛИМБе. Ни магам, ни фениксам, ни уроборосам убивать людей нельзя – за это им грозит пожизненное заключение. Сейчас он на свободе, потому что я молчу, а других свидетелей нет. Но я в любой момент могу заговорить – и он это прекрасно понимает.

Мне от него так просто не отделаться. Он найдёт способ держать меня постоянно у себя на виду или, ещё хуже, уберёт так же жестоко и быстро, как тех четверых. Я в ловушке.

Я сползла с кровати – практически упала – и бросилась к мобильному. Надо немедленно звонить в полицию. Нет, лучше напрямую в ФСБ! Пусть забирают его в этот их Антикриминальный Департамент!

– Телефон доверия ФСБ России, – отчеканил строгий женский голос, в котором не читалось ни намёка на сон в столь поздний час. – Представьтесь, пожалуйста. Из какого города вы звоните?

– Здравствуйте, – внутри у меня всё дрожало. – Я звоню из Санкт-Петербурга, меня зовут Ника. Ника Антипова. Я учусь в институте, и недавно на моих глазах... на моих глазах преподаватель совершил убийство!..

– Вы обучаетесь в ЛИМБ? – этот вопрос прозвучал скорее как утверждение. – Первый курс?

Похоже, говорившая в два счёта подняла базу и увидела меня в списке студентов. Или, может быть, сегодня, после стрельбы в актовом зале, мой звонок уже далеко не первый?..

– Алло, Ника Александровна? Вы меня слышите?

Ну вот, уже и отчество моё ей известно, хотя я его не называла.

– Да, – выдохнула я обессилено, отвечая сразу на все вопросы.

– Я поняла вас. По всем проблемам, связанным с деятельностью вашей учебной организации вам следует обращаться напрямую к ректору института или к куратору вашего потока.

– Подождите! Это не то, о чём вы подумали! Я про убийство человека! Человека, понимаете?!..

– Благодарим вас за обращение. Всего доброго, – перебила меня оператор заученной фразой.

Звонок прервался. Вот чёрт! Я упала на стул рядом с письменным столом и уронила лицо в раскрытые ладони. Даже слушать не стала! И что мне теперь делать?!

Прорыдавшись, я открыла мессенджер и написала Лизке:

«Извини, что поздно. Ты не в курсе, кто у нас куратор потока?».

«А его пока нет, – тут же пришёл ответ. – Со дня на день назначат. А что?»

«Да так, ничего».

«Какой-то срочный вопрос?»

«Не, фигня. Как твоя машина? – я поспешила перевести тему. – Она в ремонте?»

«На плановом ТО, но спасибо за беспокойство, пташка. Теперь можешь спать сладко».

Отложив телефон, я вдруг почувствовала, что и впрямь немного успокоилась. Что-то такое есть в Лизкиных словах, что отличает её от обычной, простой девушки. Какая-то невидимая, но ощутимая сила, придающая вес любой прозвучавшей фразе.

Вскоре глаза сами собой стали слипаться, и я не заметила, как уснула.

* * *

Историк сразу мне не понравился. Нервный мужик с покрасневшей лысиной, огромным животом и микроскопическими сальными глазками. Неопрятный, с гнусным визгливым голосом и не менее гнусным характером.

Его аудитория оказалась одной из самых скучных. Пыльные пустые полки, потускневшая доска, перемазанная мокрыми следами недостёртого мела, странный запах сырости да сиротливо стоящий на подоконнике одинокий горшок с засохшим растением – вот и весь интерьер. Единственной достопримечательностью были здоровенные старинные часы, возвышавшиеся над входной дверью. Минутная стрелка оканчивалась головой змея, а часовая – полураскрытым клювом высывающей язык птицы. Секундная стрелка, изогнутая волнами, перемещалась по циферблату с поскрипыванием и резким, раздражающим тиканьем.

Судя по брезгливо поджатым тонким губкам, студентов историк за уважаемых людей не принимал, поэтому не соизволил даже поздороваться. Шлёпнув журналом по кафедре, он вместо приветствия занудно протянул:

– Текущее время 8 часов 59 минут 2 секунды, и именно сейчас я считаю своим долгом напомнить, что тем, кто решится опоздать на мой предмет, я по старой доброй традиции выставлю в журнал пять двоек подряд!

Да уж, добрая традиция, ничего не скажешь. Я посмотрела на пустующее место рядом с собой и с сожалением цыкнула. Опять Яшка попадёт под раздачу.

– Три таких опоздания за семестр – и вы отчислены, – заплывшие свинячьи глазки историка то и дело сверялись с секундной стрелкой часов. – Это не моя прихоть, а естественный отбор! Пятнадцать двоек вы при всём желании не успеете исправить до сессии. Да-да, и не говорите мне потом, что виновата пятница и первая пара! Время – это не мусор, чтобы вот так разбрасываться минутами и секундами. А ежели вы сорите отведённым вам временем, то будьте готовы в конце полугодия сами отправиться на свалку!..

Минутная и секундная стрелки сошлись на отметке 12. Прозвенел звонок.

– Итак, приступим. На моих занятиях мы будем с вами учиться управлять временем, – встав, препод начал чертить на зелёной доске скрипучим куском мела оси координат. – Время, попрошу сразу же зарубить на носу, не непрерывно, а дискретно. Каждый фрагмент времени представляет из себя не точку, как считалось ранее, а отрезок. Данные отрезки соединяют прошлое с настоящим – это так называемые кротовые норы, или, как я предпочитаю выражаться, червоточины. И вам, мои маленькие червячки, придётся научиться в них лазать...

– Я прошу прощения! – дверь кабинета распахнулась, и в аудиторию ввалился запыхавшийся Яшка.

Мой взгляд машинально скользнул по настенным часам. 9:01 – и ещё пять секунд сверху. Предвкушая взбучку, которую вот-вот устроит однокласснику дотошный до времени историк, я зажмурилась.

– И именно сейчас я считаю своим долгом напомнить, что тем, кто решится опоздать на мой предмет, я по старой доброй традиции выставлю в журнал сразу пять двоек подряд! – вдруг проговорил, будто в записи, препода с такой же дребезжащей, уничижительной интонацией, как и пару минут назад.

Доска была пуста. Историк снова сидел за столом и продолжал говорить то, что мы уже слышали, а Яшка, сощурившись, привалился к дверному проёму и коснулся рукой виска, как если бы у него вдруг началась мигрень. Или, точнее, дежавю?..

– ... и ежели вы сорите отведённым вам временем, то будьте готовы в конце полугодия сами отправиться на свалку! – препода прервался, дожидаясь, пока отзвенит звонок. Посмотрел на Яшку, а потом, в который раз, на часы. – Молодой человек, поздравляю, вам выпала честь быть первым претендентом на утилизацию. Текущее время: 9 часов 00 минут и 11 секунд. Вы опоздали. Назовите вашу фамилию.

Яшка ничего не ответил. Только сузились ещё сильнее и без того узкие кошачьи зрачки.

Как завороченная я наблюдала за секундной стрелкой, которая, ненадолго остановившись, теперь ползла в обратном направлении. Сначала медленно, потом уже быстрее. То плавно, как по маслу, то урывками – прыгая сразу через несколько делений.

Тяжело выдохнув, Яшка плюхнулся рядом со мной за парту:

– Уф! Еле успел!.. – он выхватил из рюкзака толстую тетрадь на кольцах, раскрыл её и щёлкнул автоматической ручкой. – Савелий Моисеевич, простите, что перебил! Продолжайте.

С задних рядов заржали.

Препода перевёл взгляд с лица дерзкого студента на часы и с лёгким удивлением к собственным словам отчеканил:

– Как бы то ни было, текущее время 8 часов 59 минут 2 секунды, и именно сейчас я считаю своим долгом напомнить, что тем, кто решится опоздать на мой предмет...

Слушать его в третий раз мне было не интересно. Склонившись к Яшкиному уху, я зашептала:

– Сыр, что происходит?!

– Ты опять, гадина такая?! – толкнув его сзади в спину, возмутилась вместе со мной Лизка. – Обещал же больше так не делать! У меня голова раскалывается от твоих штук!

– У меня самого она раскалывается, – огрызнулся Яшка, дёргая плечом. – Ты же знаешь, я не специально...

– Ага, конечно! Да ты просто пять двоек не хотел!..

В третий раз прозвенел звонок. Ни о чём не подозревающие часы вновь показывали ровно девять.

– Это началось, когда мне было четырнадцать... – пояснил Яшка шёпотом. – Время подчиняется стихии воды, поэтому обычно уроборосам легче лёгкого им управлять. Так и у меня – ложусь спать, и линия времени разворачивается под другим углом, в ином измерении, превращается в точку, в которой прошлое, настоящее и будущее соединены в одно. Можно мять время в шарик, как пластилин, можно наоборот растягивать в стороны – как жвачку.

– Молодой человек! Своими разговорами вы мешаете мне вести занятие и задерживаете всю группу! Назовите вашу фамилию!

Секундная стрелка снова дёрнулась и отпрыгнула назад. Прозвенел звонок. В этот раз как-то по-особому хрипло. Наверное, уже устал.

– Сначала я умел так делать только во сне, – невозмутимо продолжал Яшка. – Всем парням уже давно снились эротические сны – а меня мотало по кротовым норам. И нещадно так мотало – просыпаясь, я не сразу вспоминал, какой нынче век и вообще, какая эпоха. Вместо будильника на моей тумбочке до сих пор стоит перекидной календарь, на котором указаны не только число и месяц, но ещё и год.

– Молодой человек, вы...

Стрелки часов, перескочив обратно на 9:00, совсем замерли. Лишь слегка подрагивала, пытаюсь сдвинуться с места, секундная.

– И это ещё цветочки, – следом за мной взглянув на циферблат, вздохнул Яшка. – Теперь если я не выплусь, то приступы бывают и в реальности. Кидает то в прошлое, то в будущее. Вынырываю – и обязательно говорю какую-нибудь чушь. Типа как с тобой, когда мы познакомились. Или сейчас с историком. Ну зачем я ляпнул ему это «Продолжайте»!..

– Да блин, хватит уже! Нашёл, чью пару затягивать! – прошипела сзади Лизка. – Я эту свиноту лишних пять минут видеть не хочу! Эй, слышишь?! Отмотай вперёд лучше! На 10:30!

Пытаясь успокоиться, парень принялся выводить синие круги на полях своей тетради. Его рисунок напомнил мне скопление запутанных временных петель. Возможно, в одной из таких – на кончике его шариковой ручки – мы все сейчас и находились.

– А главное, никто не может мне помочь. Все только издеваются, как Чародеева. Или говорят: «Ну а что ты хотел, у тебя же целых девять спиралей!»...

– Сыр!!!

– А, ладно! – расстроено выдохнув, Сыроежкин откинул ручку. Громко стукнув, она покатилась по столу, но на самом краю замерла и словно в обратной перемотке вернулась назад. – Давайте уже начинать.

Зазвенел звонок. Секундная стрелка с видимым усилием сдвинулась с места.

– Итак, приступим, – препода очнулся и в который раз поднялся с кресла. Скрипнул по доске мел. – На моих занятиях мы будем с вами учиться управлять временем...

* * *

В приёмной Ивана Ивановича всё было обычным. Типовой коричневый шкаф, типовой серый стул, типовой же бежевый стол – да и секретарша, которая за ним сидела, казалась донельзя типовой. Ни одной выделяющейся детали или черты лица. Если секунду спустя меня попросили бы её описать, я бы не вспомнила ничего – даже цвета волос.

– Иван Иванович у себя? – для студентки-первокурсницы я продемонстрировала удивительную решительность. Волновалась, конечно, но перемена между парами – всего десять минут, и тянуть резину некогда. – Можно мне к нему пройти? Я по срочному вопросу.

– Иван Иванович, тут к вам! – женщина средних лет подняла на меня серые глаза. Или зелёные? Или голубоватые? А впрочем, может на самом деле они и карие. Через прозрачный «потолок» собора на её лицо падали яркие лучи солнца, и свет стирал все цвета.

– Верочка, глядите, как у нас сегодня распогодилось! – это ректор добродушно выглянул из своего кабинета. – Небо какое ясное!

– Да, Иван Иванович, даже не верится, что мы с вами в Петербурге! – хохотнула секретарша. – Ну, неудивительно, Лев Stanisлавович же приехал. Привёз с собой хорошую погоду, как и всегда...

– Золотой человек! – воскликнул Кузнецов, пригладив на груди всё тот же большой медный ключ, надетый поверх пиджака. Потом, наконец, посмотрел на меня. – А вы, леди, по какому вопросу?

– Я... – я запнулась.

– Впрочем, не стоять же на пороге. Проходите, милочка, проходите!.. Вот сюда, пожалуйста, присаживайтесь, – притворив за нами дверь, он усадил меня в глубокое кожаное кресло напротив своего стола. – Ну, а теперь рассказывайте. Что вас ко мне привело?

Мои глаза бесцельно бежали кабинет. Благодарственные письма, дипломы, грамоты – всё вокруг так плотно увешано блестящими на солнце серебристыми рамками, что даже не понятно, в какой цвет покрашены стены. А может, там, за хвалебными бумагами, и вовсе скрылись обои?.. Тряхнув головой, я заблеяла неуверенно:

– Я как раз хотела поговорить с вами о Чернове. Кое-что меня крайне тревожит...

– О, понимаю ваше беспокойство, леди, очень хорошо понимаю! Вчера у вас было вводное занятие по истории искусств. Полагаю, Лев Станиславович вас сильно впечатлил...

– Не то слово, – брякнула я.

– К сожалению, его предмет – это факультатив...

«К счастью», – поправила я мысленно.

– Поэтому увы, попасть на его прекрасные семинары смогут не все, однако не переживайте. Вас зовут Ника, если не ошибаюсь?

– Да, но я не...

– Не переживайте, Ника. Вчера вечером Лев Станиславович передал мне список тех студентов, которые будут в обязательном порядке первыми зачислены в его группу. Это лучшие из лучших, чей особый талант не остался незамеченным, и вам – да-да, вам – выпала честь быть среди этих счастливиц!

– Подождите!..

– Замечательный педагог, – распинался ректор. – Восхитительный! Молод, красив, а главное – *чертовски* одарён! Вам несказанно повезло учиться у него, Ника! А какой он виртуозный скрипач! Он уже играл вам на скрипке?

– Можно сказать, что да. Играл.

Не на скрипке, правда, а на моих нервах, но это почти одно и то же. А вот ректор с Черновым, я погляжу, крепко спелись – возможно именно Кузнецов и протащил «виртуозного скрипача» сюда работать, да ещё и присочинил в расписании звание профессора. Рассказывать ему про жестокое убийство бесполезно. В лучшем случае он мне просто не поверит, в худшем – нагучит Чернову, и тот, поняв, что я открыла рот, сразу со мной разберётся. Надо искать помощь в другом месте.

– Иван Иванович, а вы не знаете, почему у меня нет... этого... как его... бенефактора?

– Такого не может быть! Бенефактор есть у каждого бессмертного. Ваш бенефактор... – сняв с груди ключ, Кузнецов отпер им один из ящиков стола. Извлёк оттуда моё досье, раскрыл и зашелестел шершавыми страницами. – Давайте посмотрим... Ага, вот. Ваш бенефактор – Белла Евгеньевна. Только она сейчас в декрете. Как, впрочем, все последние тринадцать лет.

– Тётя Белла?!

Я тут же вспомнила себя трёхлетнюю и нашу с родителями поездку в Петербург к «родственнице», от которой мы с того далёкого дня не получали совершенно никаких вестей. У неё тогда и впрямь был заметно округлён живот. Думаю, своего первенца она родила через пару месяцев после нашей встречи.

– Значит, тётя Белла – мой бенефактор?! – повторила я, всё ещё не веря своим догадкам.

– Если вам удобнее, то называйте её так, но отчество всё же запомните – на случай, если придётся общаться лично. Для матери пятерых детей, последнему из которых всего год, она очень добрая, но в качестве наставницы – чрезвычайно строгая...

– Вы можете дать мне её телефон?

– Могу, – Иван Иванович задумчиво потёр пальцем золотистую статуэтку птицы, раскинувшей крылья над письменным столом. То ли орёл, то ли филин, я не разобрала. – Могу, но... не дам. Не обижайтесь, девочка, она всё же в отпуске, пускай и декретном, а кто из нас

любит быть потревоженным в отпуск? Потерпите пару лет, её младший сынок пойдёт в сад, и тогда она вами займётся. Вы ведь никуда не торопитесь, правда? У вас, в отличие от Беллы Евгеньевны, в запасе целая вечность...

Прозвенел звонок, оповестив о начале второй пары. Я глотнула ртом воздух, как рыба, бормотнула «да, спасибо» и, криво улыбнувшись, выскользнула из ректорского кабинета.

Глава 8. Чистый лист

Пока я бежала по коридору, у меня разболелась голова. То ли накрыло шлейфом от беспрядочных путешествий во времени, то ли сказывались переживания. Второй парой, как назло, стояла философия. А вдруг за опоздания препод тоже расстреливает?

К счастью, аудитория старого снайпера находилась на третьем этаже, совсем рядом с ректорской. Готовясь жарко извиниться, я распахнула дверь, но так и не проронила ни слова.

В учительском кресле никого не оказалось. Только сиротливо возвышались на столе разложенные в несколько стопок серо-белые книги, а над старой деревянной кафедрой висела огромных размеров доска, на которой во всю ширь был жирно нарисован мелом неприличный орган. Видимо, послание первокурсникам от старших товарищей.

Седовласый «божий одуванчик» невозмутимо шагал вдоль рядов, раздавая студентам учебники. Глядите-ка, о помощи никого не попросил – всё сам. Гордый. Когда в его руках закончилась стопка из десяти книг, он вернулся к столу и взял новую такую же. Не заметил ни меня, ни рисунок, вызывающий то тут, то там сдавленные смешки и колкие комментарии.

Ах да, он же слепой.

Мне снова стало его так жалко, что я даже почти простила ему выходку с пистолетом. Вместо того, чтобы по-тихому занять место в аудитории, я взяла губку и принялась стирать с доски художество.

– Ника, не беспокойтесь, – не оборачиваясь, проговорил вдруг дедуля скрипучим голосом. – Второму курсу завтра предстоит проходить значение фаллической символики в древневосточных мистических традициях. Будем считать эту иллюстрацию выдающимся проявлением их интуиции. Садитесь. Я не наказываю за опоздания.

На парту передо мной лёг учебник – потрёпанная библиотечная книга, напечатанная, наверное, ещё в Советском Союзе. Шершавая, в рубчик, обложка когда-то была белой, но сейчас от времени потемнела. Никаких картинок, даже нет логотипа издательства. Только сверху потёртой позолотой выведено: «Философия. 1 курс». Имя автора не указано.

– Этот учебник, – вернувшись за кафедру, подал голос преподаватель, – впервые составил ещё мой прапрадедушка в царской России. Позже он был переиздан моим прадедушкой, потом дедушкой, потом отцом, а сейчас вы держите в руках пятое издание, доработанное и дополненное лично мной. Эта книга, подобно бессмертному существу странствующая сквозь вечность, ответит на многие ваши вопросы. Она буквально откроет вам глаза! Прольёт свет на то, чему вы будете здесь учиться!

Смешки в аудитории сменились шумом судорожно перелистывающихся страниц.

– Простите! – первым подал голос Яшка. – У меня книга бракованная. Тут ничего нет. Все листы без текста. Можно мне...

Заглянув в мой учебник, он осёкся.

– И у меня тоже брак, – раздалось удивлённое с задних рядов.

– И у меня!..

– Книга пустая!

Тишина, воцарившаяся в аудитории, била по ушам не хуже пистолетного выстрела.

– Вовсе не книга, а ваши головы пусты! – патетически воскликнул престарелый профессор. – Извинитесь перед ней – и распахните снова! Стремитесь, учитесь, жаждайте познать суть! Просите, и вам откроется её бесценное содержимое!

– Но...

– К следующему нашему занятию попрошу всех подготовить пересказ первого параграфа. Не тратьте драгоценного времени, начинайте читать прямо сейчас.

Скрипнуло высокое – в полный рост – окно. Довольно кивнув в ответ на какие-то свои мысли, философ стукнул белой тросточкой по ступеньке-подоконнику, шагнул через «порог» и был таков.

– Вениамин Валерьянович!..

Один из фениксов – кажется Егоров – сорвался с места и подлетел к окну. Запутавшись в шторе, скомкал её и откинул вбок. Удивлённо свесился вниз. Поводил головой налево-направо. Почесал макушку.

Препо, судя по всему, исчез бесследно. Так же, как когда-то исчезли буквы из их фамильного учебника. А были ли они там вообще?..

Студенты поделились на тех, кто вправду взялся за абсурдное задание и вновь открыл пустые книги, и тех, кто решил заняться своими делами. Кто-то захрустел чипсами, кто-то воткнул наушники, кто-то чатился, кто-то играл в телефоне. Я пыталась хотя бы изобразить из себя приличную студентку, но белые страницы только ещё сильнее вгоняли меня в панику. Отчасти философ прав. Такой же чистый лист был сейчас и в моей собственной голове. Я не знала, что делать.

Похоже, выбора не остаётся. Да, конечно, скорее всего мои новые друзья сочтут меня за сумасшедшую и покрутят пальцем у виска. Может быть даже, наша дружба с ними и вовсе закончится, но я больше не могу держать это всё в себе. Иначе со дня на день меня разорвёт.

Повернувшись так, чтобы видеть одновременно и Яшку, крутящего учебник под всевозможными углами, и Лизку, обновляющую подводкой стрелки в уголках глаз, я неуверенно начала:

– Ребят, мне надо вам кое-что рассказать...

Яшка захлопнул бестолковую книгу, а Лизка – карманное зеркальце. Оба уставились на меня. Сердце, предвкушая приближение чего-то неотвратимого, забилося быстро-быстро, сковав горло:

– В ночь перед первым сентября я видела кое-что очень, очень страшное! – прошептала я. – То, чего не должна была видеть, понимаете?.. Это связано с одним из наших преподавателей, и я не могу понять, как мне теперь поступить...

Хлопнула дверь. Неужели философ вернулся и в этот раз, ради разнообразия, вошёл в аудиторию как все нормальные люди?.. Обернувшись на шум, я замерла.

– Вениамин Валерьянович, не тревожьтесь, я надолго вам не помешаю, – разнёсся по залу холодный, глубокий голос, который вот уже двое суток не давал мне покоя и во сне, и наяву. Пауза. Потом спокойное. – О, какое чудесное совпадение, он тоже мне не мешает.

Поднявшись на кафедру, Чернов поправил галстук. Звякнула висящая поверх серебряная цепь.

– Уважаемые студенты первого курса, у меня для вас пренеприятнейшее организационное сообщение. Теперь мы с вами будем видеться чаще.

Кажется, в этот момент я не просто перестала дышать – у меня даже пульс остановился!

Взяв мел, скрипач без смущения начал что-то писать рядом с остатками детородного органа. Мой взгляд скользнул по его затылку. По туго затянутому медицинской резинкой пепельному хвосту. По мочке уха с серьгой, на которой качался перевернутый католический крест. Ниже на шее, под воротом рубашки, у него пряталась круглая татуировка. Сейчас я видела только малую её половину – контур и острые верхушки каких-то то ли знаков, то ли букв.

Прищурившись, я попыталась «достроить» в воображении недостающую часть рисунка, но Чернов едва заметно передёрнулся и провёл рукой по шее, расплющивая и сбрасывая мой взгляд, как назойливого комара. А потом и вовсе повернулся к залу, демонстрируя написанное на доске.

Высокие, узкие, изломанные символы – словно выпарапанные гвоздём по стеклу. Нет, это был не скандинавский алфавит, не руническая вязь и даже не древнее заклинание на латыни. Плюс семь, московский код оператора, три шестёрки, тринадцать...

– Настоячиво советую вам сохранить мой номер телефона. Звоните и пишите в любое время, не стесняйтесь. С этого дня я являюсь куратором вашего потока.

* * *

Закрывшись в институтском туалете, я распахнула наполовину покрашенное серой краской окно, высунулась наружу и несколько раз жадно затянулась свежим воздухом. В мобильнике появилась сеть. Ноготь застучал по экрану, по памяти набирая номер. Номер, по отвратительной случайности, начинался на те же цифры, что и у Чернова.

– Мам, я хочу домой! – разрыдалась я в трубку, едва услышав знакомое «Алло?». – Забери меня отсюда! Они тут все сумасшедшие!

– А может быть это мы, обычные люди, сумасшедшие? – философски ответила та и добавила. – Держись, дочка, через месяц станет попроще.

– Месяц?! Да я здесь ни недели не протяну! Какие фениксы, какие уроборосы?! Какое бессмертие! Это что, шутка? Или вы упекли меня в реалити шоу? Или в экспериментальный дурдом?!

– Эти люди тебе помогут.

– Мне не нужна помощь!!! А наш куратор... он... он... – я задыхалась от слёз.

– С куратором, я уверена, вы скоро подружитесь.

– Сколько?.. Сколько они тебе заплатили?! – стонала я. – Они ведь меня «выкупили», да? Ну не верю я, что ты меня по доброй воле сюда отдала!

Мама вздохнула:

– Никто не выкупал тебя, Никушка. Всё наоборот. Почти восемнадцать лет назад добрые люди дали мне тебя в кредит.

– Что?!

– Родить тебя – это был мой единственный шанс иметь детей. Понимаешь, дядя Рома с Лубянки – он...

Ни слова больше! Не хочу дальше ничего слышать! И тем более – знать, каким боком к факту моего рождения примазался дядя Рома из ФСБ!..

Телефон летит в открытое окно с третьего этажа. Наверняка разобьётся в труху.

О боже, а что если это правда?! Если та «волга» под нашими окнами в последнее летнее утро субботы – не совпадение?

Получается... Я села на холодный кафель. Получается, то письмо с приглашением в ЛИМБ действительно привёз дядя Рома?..

– Антипова, ты чего дорогими девайсами бросаешься, – раздался снаружи голос Яшки. Он постучал в дверь уборной. – Забери. И больше так не делай.

– Ты его поймал?! – выглянув в коридор, я с удивлением таращилась на телефон, целый и невредимый. – Как ты успел?!

– Ну, не то, чтобы успел... Точнее, да, успел, но не с первой попытки...

– Ты прыгнул за ним в прошлое?!

– Раз десять. Пока не поймал, – он снова с укоризной на меня взглянул. – А ведь до этого голова почти прошла... Чародеева, да не пялся на меня так! Ну не могу я спокойно смотреть, как «эплы» последней модели разбиваются!..

Его длинная, вытянутая ладонь раскрылась и протянула мне «яблоко раздора». Жёлтые змеиные глаза с тонкими ниточками-зрачками блеснули ярче, чем серебристый огрызок лого-типа.

– Яш, извини, – я коснулась его влажной, холодной руки, забирая мобильный. – Я больше так не буду.

– Угу, – кажется, парень несильно мне поверил. – Кстати, а что ты хотела нам рассказать?..

* * *

– Слушай, ну я даже не зна-аю... – задумчиво протянула Лизка.

На третью пару после большой перемены мы бесстыдно забили. Вышли из института, чтобы поговорить, и так и остались сидеть в сквере напротив здания Адмиралтейства. Я выложила им всё, в мельчайших подробностях. Ребята слушали, не перебивая. Яшка щёлкал фисташки, которыми я с утра его угостила, Лизка потягивала оранжевый оргон, задумчиво глядя куда-то вперёд, сквозь памятник Гоголю. Оба молчали, однако стоило мне закончить, как их тут же «прорвало».

– Чернов так-то вроде неплохой парень, – взялась спорить Чародеева. – Ну, неформальный, конечно. Со своим прибабахом. Но, по крайней мере, не в маразме как Валерьяныч и Семёновна. Не сволочуга, как Моисеич. Да и ПМС у него не будет. Ооо, ты бы видела, как у нашей Агаты рвёт крышу перед критическими днями!..

Ссыпав груды шелухи в мусорный бак, Яшка её перебил:

– Ник, а ты уверена, что это всё было именно в реальности?

– Я уже ни в чём не уверена, – простонала я.

– Может быть, у тебя случилось видение? Что если ты предвидела будущее?

– Прошное или будущее – это легко понять, – Лизка достала мобильник и принялась перелистывать страницы браузера пальцем с длинным малиновым ногтем. После порции оргона она заметно похорошела. Щёки порозовели, ресницы удлинились, рыжие локоны кокетливо завились, и даже синие линзы засверкали по-особому, превратив её в кукольную Мальвину. Парни в парке стали кидать недвусмысленные взгляды то на неё, то на меня, то на Яшку, пытаясь понять, чей он бойфренд.

– Надо посмотреть новости за последние дни, – игриво улыбнувшись очередному прохожему, вполголоса пояснила Лизка. – Такое убийство, если оно и вправду было, репортёры не упустили бы!..

– Он мог замести следы, – неуверенно поспорила я так же тихо, – куда-то спрятать тела.

– Да даже если бы он, как хищный монстр, их сожрал, – хохотнула рыжая, – то какие-то улики всё равно должны были остаться! Кровь на асфальте – ты говоришь, она хлестала фонтаном. Ножи, бита... Бесхозная тачка, в конце концов!

– А может, тачку он тоже проглотил? – хмыкнул Яшка. – Как Годзилла.

Зевнув, парень положил руку на спинку лавки и подсел ближе, практически нависнув над Лизкой. Со стороны смотрелось так, будто он её обнял, и жадных взглядов в непосредственной близости от нас сразу поубавилось. Он прикалывался, конечно, но мне почему-то всё равно стало одиноко и обидно. Двое против одного – сговорились что ли!

– Так и знала, что вы будете надо мной ржать, – в моём голосе снова зазвенели слёзы. – Не хотите – не верьте!

– Предположим, это правда, – терпеливо отозвался Сыр. – Что с того? Ну, удалбал он четверых наркоманов, ещё и насильников к тому же – подумаешь!

– Не растерялся, вступился за тебя – красавчик! – поддакнула Лизка, но от Яшки подальше всё же отсела и даже поставила между ними свою сумку, как бы намекая, что заигрывать с ней ему бесполезно. – Мир станет только чище.

– Вы не понимаете! Они такие же люди, как и мы с вами! Ну... почти. Убивать нельзя никого – ни плохих, ни хороших! Потому что если кто-то хотя бы раз переступит через эту

грань и совершит убийство, то потом он уже ни перед чем не остановится и продолжит лишать жизни – неважно, виноватых или невинных!.. Кстати, Лиз, ты недавно говорила, что у нас девушки пропадают. Что если эти ритуальные жертвоприношения тоже дело рук Чернова?! Помните, как он вчера выразился про кровь девственниц?!

– Ерунда, – повела плечом Лизка. – Просто имидж у него такой. Роковой красавчик. Думаю, он уже не одной девственнице кровь подпортил...

– А его татуировку видели? – не унималась я. – Наверняка там какая-нибудь дьявольская печать! А все эти сатанинские кресты в ушах и перстни с перевёрнутыми пентаграммами?!

– Ну вообще-то, пентаграмма может быть и не перевёрнутой, – со знанием дела подметила чародейка. – Тут зависит от того, с какой стороны на неё посмотреть – это же круг...

– Меня больше смущает его тачка с бараньей головой, – задумавшись, Яшка убрал руку со спинки скамейки и согнулся вперёд. – Рогатый – это явная отсылка к «бафомету». Правда, если он только недавно приехал в Питер, то по поводу исчезновений студенток у него алиби...

– Хм, вообще-то не совсем, – Лизка вдруг стала серьёзной. Аргументы в защиту Чернова у неё наконец-то кончились. – В прошлом учебном году он у нас уже преподавал. Вёл кружок по игре на фортепиано. И кружок этот, если я правильно помню, открылся как раз в феврале, а в марте первая девочка пропала. Потом, в августе, ЛИМБ ушёл на каникулы, все преподы и студенты разъехались, и в последнее новолуние обошлось без жертв...

– Ну! – воскликнула я. – Что я вам говорила! Может он и за мной в моём видении охотился, а те парни его опередили, за что и поплатились жизнью! Думаете, он просто так нашим куратором заделался? И в группу свою меня против моей воли записал – случайно? Нет конечно! Он меня пасёт, дожидаясь удобного момента!.. Когда у нас следующее новолуние?

Теперь уже Яшка полез в интернет, но Лизка его остановила:

– Это я знаю. Мамка к ним всегда заранее готовится. В двадцатых числах сентября – ещё три недели в запасе.

– Отлично! – обрадовалась я. – Время есть, но всё равно тянуть нельзя. Давайте прямо сейчас напишем коллективное заявление ректору, чтобы нам назначили другого куратора!

– Так, птишка, притормози, – Лизка достала из кармашка сумки упаковку клубничных конфет и зашуршала фантиком. По парку поплыл кисло-сладкий ягодный запах. – На лучше, пожуй. Если Чернов чем-то и провинился, то пока он не палится. Доказательств у нас нет – как и улик. Рассказывать сейчас кому-то о том, что ты видела в будущем, бесполезно, но мы будем пристально за ним следить, и то, что он рискнул стать нашим куратором, не помешает, а наоборот – поможет. Глаз с него теперь не спустим! Не паникуй, в обиду тебя не дадим! Правда, Сыр?..

Глава 9. Со скоростью мысли

В выходные Лизка потащила меня знакомиться с парнями. Вернее, ей они были отчасти знакомы – двое студентов из группы «М», бывший третий, а ныне уже четвёртый, последний курс бакалавриата. Макс, по её словам, подбивал к ней клинья весь второй семестр, пока она встречалась с другим. Тогда ей было не до него, а сейчас место освободилось, и она решила дать парню шанс. Почему бы и нет? Загорелый улыбчивый блондин со светло-голубыми глазами и широкими плечами – ну просто Кен из кукольного домика. А вот его одногруппник Пашка, которого хотели «сосватать» мне – почти полная противоположность другу: слегка бледный, вытянутый, серьёзный, с иссиня-чёрными волосами, карими глазами и, судя по тёмным цветам в одежде и цепям, тоже неформал. Кого-то он мне напоминает...

– Слушай, мне кажется, это не моё, – неуверенно пробормотала я, закрыв его страничку в соцсети и захлопнув ноутбук. – Какой-то он слишком... мрачный, что ли.

– Ну а что ты хочешь, уже опытный маг всё-таки, – Лизка забралась с ногами ко мне на кровать. – Отличник, кстати. Идёт на красный диплом.

– Здорово. Но всё-таки я не планировала так скоро...

– Это ты в Москве не планировала, а здесь придётся! – решительно перебила Чародева. – Само место обязывает. Ты замечала, что в Санкт-Петербурге на каждом столбе по столбятсот объявлений шлюх? Такому высокочастотному городу просто жизненно необходимо как следует заземляться! Иначе не только ЛИМБ, а вся эта красота телепортируется вместе с нами в высшие миры – на что тогда туристам смотреть, а?..

– В каком смысле, в высшие миры?!

– А ты думала, мы в реальном мире все умещаемся в соборе?

– Я подозревала, что здесь без магии не обошлось, но...

– Так, короче, Антипова. Ты тему-то не меняй. Скажи лучше, в чём сегодня пойдёшь в клуб? В этом? – она потрясла в воздухе сначала одной вешалкой – со школьной тёмно-синей юбкой, а потом другой – с серыми джинсами. – Или в этом?

Не дождавшись ответа, придирчиво осмотрела мои кофточки и обувь. Прикинула что-то в голове. Скривилась:

– Не, так никуда не годится. Собирайся, поедem по магазинам. Мне как раз папка вчера денег отвалил...

* * *

Вышибала на входе в клуб смерил тяжёлым взглядом исподлобья Лизкину «ауди», стоящую рядом на парковке. Потом снова переключился на меня и, раздув ноздри как конь, фыркнул:

– А ты точно уже совершеннолетняя?

– Конечно! Она просто паспорт забыла, но есть студенческий билет, вот! – Лизка заложила внутрь крупную купюру и протянула в таком виде охраннику.

Оранжевая бумажка быстро исчезла. Громила подобрел, даже заговорщицки подмигнул. Из интереса раскрыл корочку и в полумраке долго пытался прочесть название нашего вуза:

– Ленинградский Институт Моделирования Б... Чего моделируете-то? А, девочки? Тут клякса на самом важном месте... Ладно, – наконец, он сжалился и отступил в сторону, освобождая проход. – Оттягивайтесь.

Спускаясь следом за подругой по ступеням в темноту, я спросила, стараясь перекрыть музыку:

– А у тебя тоже там клякса?

– У нас у всех такие кляксы, – махнула рукой рыжая. – Расслабься, мы не об учёбе сюда пришли думать. О! Нас уже ждут! Привет, Максик! Знакомься, это Ника. Это про неё я тебе рассказывала.

Кен вживую оказался еще более загорелым, чем на фото. Ослепительно улыбнувшись нам, он чмокнул Лизку в щёку, а мне подал руку. Ладонь у него была горячая – от прикосновения по мне прошёлся жар. Энергетическая волна поднялась до плеча, прогулялась по кругу по телу и вернулась обратно.

– Очень приятно, Ника! – он, наконец, отпустил меня. – А это мой друг, Паша Колдунов.

Второй парень вышел из мрака и в свою очередь предложил мне обменяться рукопожатиями. На этот раз никакого жара. Кончики пальцев чуть прохладные, но без спецэффектов.

– Феникс, значит? – вкрадчиво проговорил он, пользуясь тем, что очередная песня закончилась, и в клубе ненадолго повисла тишина. – Двенадцать спиралей?

– Так считает Чернов, – смутилась я.

– Чернов врать не будет. Я слышал, он ваш куратор?

– Со вчерашнего дня...

– Ясно-понятно, – обволакивающий, спокойный голос. – Я думал выбрать его научным руководителем для диплома... Но пока размышляю. Хочешь чего-нибудь выпить, Ника?

Макс утянул Лизку на танцпол, там как раз заиграл следующий трек, а меня против моей воли повели к бару.

– Слушай, я не уверена. Просто... – мямлила я по дороге. – Нам же нельзя...

– Если не собираешься ночью практиковать, то немножко можно, – усадив меня, Паша заказал у бармена два каких-то коктейля. – Тут, понимаешь, как с автомобилем: если выпил, то за руль сегодня нельзя. Но завтра уже никто тебе не запретит. Так же и с магией. Ну, за знакомство! Надеюсь, оно будет... продуктивным.

Его взгляд упал на мои колени. Я встрепенулась и нервно поправила клешённую кожаную, с металлическими заклёпками юбку. Говорила же Лизке, что надо было взять что-то поскромнее и, желательно, подлиннее! А теперь, когда я села, то вообще стало до неприличия коротко!

Кавалеру же мой прикид явно понравился, он постоянно косил на меня глаза, изучая изгибы фигуры. Долше всего задержался на красно-чёрном в клеточку топике. Вернее, на глубоком вырезе, куда насильно надетый Лизкин супер-пуш-ап лифчик выталкивал добрую половину моей скромной груди. Хорошо хоть от алой помады я отказалась, несмотря на протесты чародейки! А то точно была бы сейчас похожа на одну из тех, кто расклеивает объявления на столбах в центре Питера.

Чтобы скрыть волнение, я схватила со стойки свой коктейль и сделала сразу несколько больших глотков. Паша встрепенулся, его глаза отпустили меня и теперь со скукой рассматривали танцующих. Я вздохнула с облегчением. Кто бы мог подумать, что даже прохладный, почти безразличный взгляд может так испепелять.

Лизка с Максом по-настоящему «зажгли» танцпол. Отплясывали без остановки, наверное, целый час – прерывались только, чтобы сделать пару глотков воды. Паша же быстрые танцы не любил, но когда пустили «медляк», он всё же меня пригласил. Отказываться я не стала. В конце концов, может я чересчур закомплексована, и мне просто показалось, что он на меня как-то по-особому смотрит?

В его объятьях было безмятежно и легко. Движения нежные и плавные – как будто мы качаемся на поверхности воды. Чем ближе я его ощущала, тем отчётливее он «гасил» все мои страхи и мысли, становилось тихо, словно я где-то в глухом лесу в облачную, безветренную погоду или... на старом кладбище.

Странная ассоциация, конечно, но я никак не могла от неё отделаться. Полный, нерушимый *покой*.

– Сколько тебе лет? – склонившись к моему уху, проговорил он низким голосом. Его рука скользнула вниз по моей талии.

– Семнадцать.

– Семнадцать, – тонкие губы едва заметно поджались. – Совсем маленькая ещё. Что же я буду с тобой делать?

Я стушевалась и зачем-то начала оправдываться:

– В декабре мне уже будет восемнадцать и...

– И начнётся сессия, – вкрадчиво закончил за меня Паша.

– Послушай, какая разница... Мы же только сегодня познакомились...

Его лицо смягчилось, он кивнул:

– Да, конечно, малышка. Ты неправильно меня поняла. Я имел в виду, что как следует отпраздновать твою днюху нам не удастся, потому что я буду ботанить. Не хотел бы срезаться на финишной прямой. Но мы что-нибудь придумаем. Не бойся, я тебя не обижу.

Эта фраза подействовала на меня как инъекция успокоительного. Я расслабилась. Напряжённые руки снова легли ему на плечи. Танец продолжился.

Позже ночью Паша по указанию Чародеевой пошёл провожать меня до общежития «чтобы ничего не случилось, а то она любит вляпываться во всякие неприятности». Для Макса и Лизки вечер ещё только начинался: на выходе из клуба они, смачно засосавшись, сели в такси и уехали к кому-то из них домой. Кажется, парни даже не успели попрощаться. Паша задумчиво проследил взглядом, как жёлтый автомобиль скрывается из вида за поворотом, потом вздохнул и предложил взять его под руку – это было очень кстати, потому что за вечер мне жутко натёрло ноги новыми туфлями.

Мы шли по безлюдной набережной мимо разведённых мостов. На улице уже сильно похолодало, и Паша накинул мне на плечи свою кожанку, сам оставшись в одной только тёмно-синей футболке. Поглядывая краем глаза, я заметила, что воздух вокруг него как-то странно расходится волнами и пульсирует, как от нагретого предмета. Всё, что попадало в эту аномальную зону, преломлялось и теряло свой цвет, приобретая серо-фиолетовые очертания. А воробей, пролетевший мимо, через пару метров и вовсе замедлился, как-то сник, сел на парапет моста и больше не двигался.

Когда над нами, несколько раз мигнув, с треском погас фонарь, Паша положил ладонь на мою руку, вцепившуюся в его предплечье, и сказал спокойно:

– Ничего страшного, просто я немного... перебрал. Энергетика слегка деполяризовалась. К утру приду в норму.

– Может и впрямь не нужно таким, как мы, принимать алкоголь? – неуверенно спросила я.

– Если ты мне запретишь, то больше не буду, – он улыбнулся, наверное первый раз за весь вечер, да и вообще за наше недолгое знакомство. – Мы почти пришли. Поцелуешь меня на прощанье?

Я отступила на шаг назад, но он, придержав под локоть, сам чмокнул меня в щёку:

– Это я должен тебя бояться, а не ты меня. Беги, маленькая. Сладких снов. Я позвоню завтра.

* * *

Всю следующую неделю я пыталась научиться видеть оргон. Я почти без труда видела Пашкину ауру, когда была пьяна, но на трезвую голову ничего не получалось. И хотя биологичка утверждала, что энергетическое зрение у нас откроется не раньше середины семестра,

тянуть так долго не хотелось. Если я буду знать, какими цветами светятся люди, я смогу предположить, чего от них ждать. От Чернова – в том числе.

Увы, упражнения из учебника не помогали. Спустя три дня постоянных тренировок со стереоизображениями, мне стало казаться, что такими темпами я скорее ослепну – как наш философ. И правда, уж не таким ли образом дедуля лишился зрения?..

С другими дисциплинами тоже складывалось неважно. Мне с трудом удавалось сконцентрироваться на заданиях по всем предметам – кроме, разве что, географии. Домашку по астральным путешествиям я подготовила без проблем и с нетерпением ждала следующего четверга. Надеюсь, тот милый тихий дядечка, вечно витающий где-то в облаках, сегодня хотя бы ненадолго спустится на землю, чтобы поставить мне заслуженную пятёрку.

Упражнение называлось «Лестница». Выходить из тела нужно было на выдохе. Глубокий вдох – и долгий выдох со счётом до двенадцати. Ориентироваться лучше не на секундную стрелку часов, а на удары сердца – положив пальцы правой руки на запястье левой. С каждым новым ударом надо представлять, будто поднимаешься по лестнице с цветными ступенями: красная, оранжевая, жёлтая, зелёная, голубая, синяя, фиолетовая, розовая, белая, серая, коричневая, чёрная... Обычно на зелёной ступени у меня кончался воздух, на голубой пульс сильно замедлялся, на синей сдавливало грудь, на фиолетовой начинала кружиться голова. На розовой становилось легко и беззаботно – как в детстве или даже и вовсе до рождения. На белой я слышала беспорядочные, сливающиеся в один хор, мужские и женские голоса – иногда они переговаривались, иногда пели, а иногда начитывали какие-то научные тексты на самые разные тематики, перебивая друг друга. На серой ступени меня начинало потряхивать, будто по телу проходит ток. И, наконец, на чёрной всё заканчивалось. Я словно выныривала из пульсирующей, гудящей плотной воды на поверхность, где всё успокаивалось. Голоса стихали, вибрации прекращались. Тело оставалось позади – точнее, сантиметрах в тридцати внизу. Дальше, теоретически, можно было отправиться куда угодно, одной только силой мысли. Главное условие – больше не дышать до момента возвращения, иначе «выкинет».

Обычный человек может продержаться без кислорода в среднем минуту, подготовленный – минут пять. Маг, способный входить в состояние «самадхи» – до двух-трёх часов без ущерба для жизненно важных функций организма. Фениксы и уроборосы при должном уровне тренировки выдерживают и более долгие путешествия, но, как правило, дольше и не нужно. В астрале всё случается моментально, со скоростью мысли, а скорость мысли превышает и скорость звука, и даже скорость света.

В детстве я занималась плаванием, мы делали в воде специальные упражнения на задержку дыхания, так что продержаться секунд сорок было не проблемой. Думаю, ещё через неделю я легко доведу это время до минуты, а потом и до двух, но пока достаточно и того, что я уже умею. Сегодня нужно только подняться по лестнице – выйти на верхний уровень, отделиться от тела и тут же вернуться.

– Антипова, прошу вас к доске. Сюда, пожалуйста.

Вот это да! А я ведь даже руку вытянуть не успела! Наверное, Виктор Николаевич почувствовал, что я активно готовилась, поэтому и вызвал меня первой.

Поднявшись на кафедру, я встала в паре шагов от его стола. Монстры и горгульи пытливо смотрели на меня со стен.

– Смелее, моя хорошая, – подбодрил астралётчик. – Если что-то пойдёт не так, я вам помогу. Прощу, начинайте.

Я хотела уточнить, что именно может пойти не так, но мой взгляд скользнул по разложенным перед ним бумагам, и я вмиг забыла, зачем вышла к доске. Поверх атласов и карт лежала свежая, ещё пахнувшая типографской краской газета, на первой странице которой горел жирным шрифтом новостной заголовок:

«Четверо закадычных товарищей пропали без вести в Санкт-Петербурге».

Глава 10. Кровавый инструмент

Фотография была чёрно-белая, но лица моих ночных знакомых угадывались без труда. Я быстро пробежалась глазами по тексту новости: пропали неделю назад, написано заявление в полицию, начаты розыскные мероприятия. «Жигули» были угнаны, но вчера их нашли брошенными в пригороде Петербурга. Мать одного из пропавших даёт интервью и рассказывает, какой её сын хороший – с детства помогал животным, усердно учился, следует здоровому образу жизни и имеет спортивные достижения по боксу. Да-да, тот самый лысый тип, который тряс передо мной своим фаллическим атрибутом, оказывается, был прилежным маменькиным сынком, и его ждали дома...

Меня резко затошнило. Наверное, в этот момент я сильно изменилась в лице, потому что преподаватель озадаченно спросил:

– Ника, что с вами? Вы не отрабатывали дома упражнение?

– Я... нет, я... – заблелась я слабым голосом.

– Вы меня неприятно удивляете. Впервые вижу, чтобы феникс не подготовился к уроку географии – это ведь ваш профильный предмет. На первый раз, так и быть, я вас прощаю, не бледнейте. Но должен предупредить: если такое повторится вновь, я вынужден буду доложить о вашей неупеваемости куратору потока.

Ко мне тут же вернулся голос, и даже краска, судя по загоревшимся щекам, снова прилила к лицу.

– Не надо куратору! – воскликнула я. – Я готовилась! Сейчас, Виктор Николаевич!.. Просто нужно... настроиться.

Минутой позже свою заслуженную пятёрку я всё же получила, но настроение было неисправимо испорчено, и остаток пары я не могла думать ни о чём, кроме той газеты. Как назло, Яшку с Лизкой к доске не вызвали, а сразу после конца занятия препод сгрёб вещдок в портфель вместе с остальными бумагами и отправился восвояси – быстрее, чем я успела рассказать ребятам про то, что прочла.

– Вы что, опять мне не верите?! Давайте его догоним!!!

– Антипова, тише, не ори, – осадила меня Чародеева. – Полагаю, это был не единственный в природе экземпляр газеты. Ты название не запомнила?

– Нет, – выдохнула я.

– Тогда сегодня сходим в газетный киоск, пересмотрим их все. Только не сейчас, а после пятой пары.

– Я к Чернову не пойду! – меня снова начало внутренне потряхивать. – Не могу его видеть! Неужели вы не понимаете?! Это было на самом деле! Он убийца!

– А вдруг всё же совпадение? – тихо спросил Яшка. – Ну пропали и пропали – они же наркоманы, тусуются где-то. Сегодня пропали – завтра найдутся. В любом случае, семинары Льва Станиславовича я прогуливать теперь не рискну и вам не советую! Лучше скажите, кто тот первый параграф в его методичке читал?..

* * *

Только к началу пятой пары я поняла, почему именно сегодня – в четверг – почти все наши девчонки пришли на занятия в мини-юбках. По всей видимости, закадрить молодого куратора считала своим долгом каждая уважающая себя первокурсница. То тут, то там по аудитории постоянно раздавались кокетливые перешёптывания. Ножки в туфлях с высокими каблуками, призывно выглядывали в проёмы между рядами парт.

Чернов, казалось, всего этого безобразия не замечал. Уверенным жестом сняв с плеча чехол со скрипкой, он оглядел зал. Из женской половины группы его внимание привлекла лишь Лизка, которая сегодня была одета неброско и даже линзы выбрала скромные – орехово-карие:

– Чародеева, а ты что здесь делаешь? Если мне не изменяет память, тебя, по стопам твоей матушки, отправили на факультатив по астрономии?

– Не изменяет, Лев Станиславович, – протянула она ангельским голосом, вскочив с места. – Всё правильно, вы не внесли меня в список, но я всё равно пришла. Просто я очень... очень!.. хочу посещать ваш курс. Я совсем не такая как моя мать. Меня тянет к искусству, понимаете? Я чувствую в этом своё призвание!..

Чернов искривил губы в подобии улыбки. По-моему, едва сдержался, чтобы саркастически не рассмеяться, но всё же взял себя в руки и проговорил:

– Что ж, Чародеева, если ты всё хорошо взвесила и это твоё сознательное решение...

– Сознательнее некуда, Лев Станиславович!

– Учти, обратно я тебя посреди семестра не отпущу.

– Обратно и не нужно, – воодушевлённо щебетала Лизка. – Клянусь, я пойду с вами до конца! Я...

– Да будет так, – бесцеремонно перебил её Чернов. – Начнём. Сегодня нам предстоит отработать технику пассивного подключения.

Сев за стол, он раскрыл журнал и вписал туда Лизкину фамилию, а потом за пару секунд, будто бы между прочим, отметил красной ручкой отсутствующих – даже не устраивая переключки. Неужели запомнил нас всех с одного раза?!

– Как вы могли бы прочесть в первом параграфе, если бы его открыли, любое произведение искусства – будь то музыка, живопись, поэзия или скульптура – это канал. С помощью него можно соединиться с автором, живым или мёртвым, и получить гораздо больше информации, чем изначально было вложено в его творение. Художник Бэзил Холлуорд в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» сказал: «Я не хочу никому показывать эту картину, потому что вложил в неё слишком много меня самого». И он такой не единственный. В любую работу автор всегда вкладывает себя самого – всего, без остатка. Такова суть творчества. Этим мы и намерены воспользоваться для выполнения задания.

Щёлкнули запоры чехла. Какой знакомый звук! В руках Чернова оказался смычок – тот самый, с чёрной каменной рукоятью – а вместе с ним и скрипка из тёмного дерева.

– Сейчас вы прослушаете отрывок из произведения великого композитора и виртуозного скрипача. Попробуйте открыть канал и установить подключение к его личности через музыку, используя инструкции, приведённые в первом параграфе. У тех, кто не соизволил накануне изучить методическое пособие, есть примерно две минуты, пока я готовлю инструмент. В конце упражнения я попрошу вас рассказать всё, что вы смогли прочесть между нот.

Кстати о нотах – никакой нотной книжки у него с собой не было. Похоже, он собирается воспроизводить мелодию по памяти. Удивительно! До этого момента я и не думала, что он на самом деле умеет играть. Я даже не уверена была, что его скрипка настоящая. Глядя, как Чернов натирает канифолью рыжеватый волос смычка, я мысленно передёргивалась. Неужели эта штука, помимо того, чтобы кромсать людей, может извлекать из струн звуки?

– Если удастся установить контакт, не нужно вопить об этом на всю аудиторию. Молчите. Подключившихся я почувствую.

Музыкант вышел на центр кафедры и, встав полубоком к залу, опустил скрипку на плечо. Коснувшись её подбородком, закрыл глаза. Звякнул браслет под манжетой его чёрной рубашки, блеснула серебристая запонка, рука со смычком вспорхнула вверх... Я инстинктивно отшатнулась на стуле назад, зажмуриваясь. Нервная дрожь прошла по позвоночнику, и только после того, как воздух наполнили первые звуки музыки, я смогла справиться с собой. Уф! Он не собирается никого убивать. По крайней мере, не в этот раз.

Когда его глаза закрыты, лицо становится другим – спокойным, умиротворённым, доброжелательным. Наверное, свою скрипку он любит гораздо больше, чем людей. Внимает мелодии, весь ушёл туда, а от реального мира отключился. Из-под рукава поднятой руки виднеется край ещё одной татуировки – тоже круглой, наподобие той, что на шее, но на этот раз моего пытливого взгляда на ней он не чувствует. Он вообще ничего не замечает, даже не слышит восторженного шёпота своих обожательниц. И тем более не обращает внимания на то, что одна прядка волос вот-вот выскользнет из хвоста и упадёт ему на лицо...

Теперь девочки в аудитории уже не громко шептались, а тихо охали. Наверное, на следующее занятие они придут совсем без юбок – про себя хмыкнула я.

Чернов слегка мотнул головой, убирая выпавшую прядь. Впрочем, ненадолго. Вскоре она снова непослушно легла на гладко выбритую скулу, и он сдался. Рука продолжала порхать, нежно водя смычком по струнам, скрипка тянула медленную, принизывающую воздух невидимыми нитями мелодию. Нет, ну разве можно так безжалостно охмурять студенток! Кажется, у них уже напрочь вылетело из головы, какое было задание. Даже Чародеева – и та, похоже, очаровалась. Подалась вперёд, подперев подбородок рукой, едва дышит и почти не моргает, пухлые губки разомкнуты, глаза томно прикрыты.

На одну только меня «чары» не действовали, наоборот – раздражали. Вряд ли я вообще успокоюсь до тех пор, пока он не уберёт свой кровавый инструмент.

Чтобы хоть как-то отвлечься от страшных картинок, приходящих на ум, я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов и попробовала настроиться.

Дыхание замерло само собой – как во время упражнения на астральный выход. Тёмный силуэт Чернова на фоне белой доски размылся, а потом поплыл по контуру волнами, расходясь в стороны, будто гладь реки, в которую бросили булыжник. Только вместо булыжника был мой взгляд.

Я смотрела на аудиторию откуда-то издалека и немного сверху, а вокруг разрастался хвойный лес. Огромные, могучие, многовековые ели и сосны скрыли меня своими «лапами». В лицо пахло свежим воздухом – чистым и прохладным. До ушей донеслось журчание кристальных вод, через которые видно илистое дно. Я не понимала, где я, но дышать больше не хотелось. Меня и Чернова сейчас разделяли не два ряда парт. Между нами были тысячи километров, и с каждым новым стуком сердца, с каждым новым звуком скрипки, дрожащим на беспокойном ветру, я летела куда-то всё дальше и дальше...

Шум аплодисментов выбил меня из транса. Красивые картинки исчезли, рассыпались серыми тусклыми осколками.

– Увы, не могу ответить тем же, – глубокий надменный голос заглушил стройное хлопанье в ладоши. – В зале тридцать два студента, и всего девять подключений. Негусто. Гадалкина, начнём с тебя. Расскажи, что тебе удалось считать?

– Человек, сочинивший эту мелодию, – поднявшись, неуверенно начала любительница чипсов, – уже мёртв.

– За этим к гадалке не ходи, – хмыкнул Чернов, откладывая скрипку. – Произведение классическое, написано три века назад. Меня интересуют эмоции, вложенные композитором. Кто этот человек, о чём он думал, что происходило в его жизни?.. Знахарев, помогай соседке.

– Ну... это была неординарная творческая личность, – ляпнул одноклассник, старательно попадая пальцем в небо, – и он пребывал в депрессии от того, что его гениальность остаётся непонятой светским миром.

– Н-да, – Чернов демонстративно закатил глаза и, сев обратно в учительское кресло, откинулся на спинку. – А ты ведь подключался, Знахарев, даже дважды, я чувствовал. Ворожеева, попробуй ты?

– Композитор был геем, – ляпнула та.

– Это не Чайковский! – рыкнул Чернов, хватаясь за красную ручку. – С группой «М» всё понятно. Остальные маги получают двойки автоматом.

– Но!.. подождите!

– Мы же ещё не ответили!!!

– За что?!

Аудитория утонула в возмущённых возгласах.

– Уважаемые студенты, – поморщился скрипач, – прекратите балаган. В будущем, надеюсь, никто из вас не решится играть со мной в эту унижительную угадку, и вы начнёте *работать*. Теперь перейдём к группе «У», кто смелый? Сыроежкин?

– Ну конечно, – бухтел Яшка, поднимаясь, – если на расстрел, то первый как всегда я...

– Громче, Сыроежкин, не стесняйся.

– Я говорю, он болел, Лев Станиславович. Черепно-мозговая травма в детстве и как следствие – бессонница. А после смерти отца у него открылся необычный дар, он начал видеть духов. Кажется, пытался убежать от своих видений в монастырь, но это не принесло ему спокойствия...

– Уже интереснее. Продолжай.

– Я сказал всё, что почувствовал. Извините.

– Композитор умел выходить сознанием из тела и общался с сущностями из нижнего астрала, – пришла ему на выручку девочка из группы «У». – Его считали бесноватым.

– Лявры и черти посещали его даже в годы затворничества в монастыре, – подключилась её соседка.

– Он не является автором произведения, которое ему приписывают, – сверкнули жёлтым глаза ещё одного змея.

Не желая следом за магами всем скопом получить двойки, ребята начали «вытягивать» друг друга, по крупицам собирая сквозь время и пространство нужную информацию.

– И кто же настоящий автор? – практически с издёвкой переспросил Чернов. В ответ честная компания только развела руками. – Ладно, садись, Сыроежкин, три. Остальным ничего не ставлю, так как подтвердить или опровергнуть данные гипотезы, пользуясь историческими источниками, не представляется возможным.

Ребята с облегчением выдохнули. Кто-то стёк по спинке стула, кто-то размял затёкшие плечи, кто-то положил в рот мятную конфету.

– Антипова, теперь ты. Удиви нас.

Колени слегка подрагивали. Хотелось спрятаться, воздуха не хватало. Порыв ветра снова подхватил меня, и я действительно спряталась – там, далеко-далеко, высоко-высоко над пахнущими влагой деревьями. Как хорошо было бы на самом деле улететь сейчас отсюда подальше!

Картинка расщепилась. Я видела два места одновременно и второе из них начала описывать безэмоциональным, глухим голосом:

– Старая железная дорога пересекает напололам густой лес. Изгибается, виляет между высокими тёмно-зелёными елями и соснами, которым нет конца и края. Мелькают потрескавшиеся, мокрые деревянные шпалы. Несмотря на сильный ливень и шквалистый ветер, поезд несётся так быстро, как может, пока его не останавливает поваленное ураганом дерево...

Чернов вздёрнул бровь. Потом, нахмурившись, стал тереть подбородок.

– Где-то далеко шумит крупный город, а рядом с ним разливается большое чистое озеро – как настоящее море. Но я не там. Я лечу над тёмными густыми лесами, кроме которых ничего не видно, а если расширить обзор выше и вправо, то дальше, за лесом, начнутся горы, и у подножья раскинется маленькая неприметная деревенька на десять домиков. Сейчас их десять, один старый деревянный и девять кирпичных, но когда-то было в два раза больше, а позже – всего один-единственный. Остальные разрушила буря... – я прервалась и добавила неуверенно. – Мне продолжать?

– Да, – выдохнул Чернов. – То есть, нет. Спасибо, Антипова, этого достаточно. Садись. Четыре.

– А почему не пять? – вклинился Яшка.

– Я могу нарисовать карту! – воскликнула я, вернувшись в реальность. – Я не очень точно передаю словами мелкие детали, нарисовать будет проще!..

– Не нужно, – строго одёрнул меня Чернов. – Я просил тебя считывать мелодию. Мелодию, Антипова, а ты что читала?.. Настраиваешься ты неплохо, но в следующий раз потрудись правильно услышать задание.

Я почувствовала шлепок, будто меня кто-то больно ударил по руке. Или даже по крылу?! Меня вышибло из контакта, и подключиться больше не удавалось. Прочная металлическая стена с колючей проволокой, которая вдруг выросла вокруг кафедры, надёжно глушила все попытки снова открыть канал.

– Только что вы прослушали первую часть сонаты Джузеппе Тартини в соль-миноре, более известной под названием «Дьявольская трель», – пояснил Чернов, убрав скрипку в кейс. – Как утверждал композитор, эту мелодию он впервые услышал во сне в исполнении самого Дьявола – в те годы, когда прятался в монастыре от римской полиции. Кто знает, возможно это был вовсе не сон, а выход в астрал, где он и повстречался с Его Величеством Сатаной? В таком случае, справедливо ли будет сказать, что смертный человек действительно не имеет отношения к авторству данного произведения?..

Его вопрос повис в воздухе, оставшись риторическим. Эта информация уже никого особо не волновала, интерес к загадочной сонате иссяк, и вообще, вступать в полемику никто больше не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.